

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

КОММЕРСАНТ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

ЧЕРНАЯ МЕССА

СТАВКА НА БОГА

Атаман

Андрей Воронин

Атаман. Черная месса

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Атаман. Черная месса / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2014 — (Атаман)

ISBN 978-985-18-3545-0

Казачий атаман Терпухин неожиданно сталкивается с тайной Организацией, грозящей вырезать всех инородцев и чужаков с русской земли и установить свои порядки на Дону.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3545-0

© Воронин А. Н., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Воронин
Атаман
Черная месса

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава первая

Не имеет права рассуждать о воле тот, кто ни разу не вдыхал полной грудью запах ночного приволья степи. Запахи накатывают волнами – то будоражат, то успокаивают. Теплый ветер, не встречая преград, гуляет по высокой траве. Вслушайся в тишину, она раскроется целым миром звуков. Всмотрись в ночной мрак – различишь каждую отдельную травинку. И ту, что примята совсем недавно.

Ночью в станицу Орликовскую примчались два красавца коня – гнедой и вороной. Хозяин коней с такой статью обычно не отпускает их далеко от себя. Даже если он не понимает красоты прекраснейшего в мире животного, он отдает себе отчет в цене такой пары.

Юрию не спалось. Он без цели бродил возле своего хутора, когда увидел две мелькнувшие, как привидения тени. Кони проскакали тихо, без ржания. Атаман сразу понял, что они взбудоражены и напуганы. Призывно свистнул – они не среагировали и умчались прочь от станицы, от запахов людского жилья.

Терпухин бегом вернулся к дому и уже через минуту поскакал верхом, ориентируясь по примятой траве. Он не гнал свою лошадь во весь опор. Иногда останавливался, внимательно всматриваясь в едва различимую линию горизонта. Потом уловил запах дыма.

Дым может пахнуть по-разному, смотря что горит – хвойный лес или казачья степь, разлившаяся нефть или автомобильные покрышки. Этот дым смердел подгорелой человечинной. Как ни упиралась лошадь, Юрий направил ее в нужную сторону. Скоро он добрался туда, где совсем недавно встал на ночевку цыганский табор.

В холодное время цыгане обычно тусовались в городах. Некоторые обзаводились домом, прилипали на долгие годы, отказавшись от традиций своего племени. Других, таборных, теплое солнышко и запахи трав звали в дорогу – раз за разом они снимались с места и отправлялись кочевать дальше. Такой вот небольшой табор остановился здесь, в степи, неподалеку от станицы Орликовской.

Возле костра валялось больше десятка трупов. Удалось ли кому-то спастись? Оба коня – гнедой и вороной – наверняка паслись возле табора, недавно украденные.

Что означает скачка по степи двух коней без седоков? Никто из цыган так и не успел ими воспользоваться? Или всадники ускакали на безопасное расстояние и там решили пересесть на другой «вид транспорта»?

Терпухин взялся гасить тлеющую на мертвых одежду, горящую вокруг табора траву. Все, что не сгорело, основательно прокоптилось – потемнело и пропахло дымом. На прошлой неделе шли дожди, травы стояли свежие и сочные, огню негде было разгуляться.

Включив фонарик, Атаман стал рассматривать трупы, и сердце у него сжалось. Женщинам и детям убийцы оказали своего рода «милость», прикончив одним выстрелом. Мужчин убивали по-другому – все трупы были обезображены глубокими резаными и рублеными ранами. Кое-где лезвие разрубило кость – валялись две отсеченные по плечо руки, кисти со скрюченными пальцами. Под истлевшим шатром обнаружилась отделенная от тела голова с курчавыми волосами и бородой.

По всем признакам цыган убивали не рядовые бандиты, эти бы всех порешили из стволов. Здесь в большинстве случаев работали холодным оружием, причем не ножами. Опытный глаз Атамана опознал сабельные удары. Похоже, убийцами были либо казаки, либо те, кто считал себя казаками. А может, решили сработать «под казаков», чтобы запутать следствие.

Первый вариант выглядел невероятным. Терпухин не мог представить, чтобы его земляки или другие станичники могли сотворить такое зверство. Убивать безоружных, да еще женщин с детьми – настоящий казак на такое не способен. Второй вариант казался реальнее. Среди тех, кто носит фуражки, штаны с лампасами и Георгиевские кресты времен Первой

мировой много ряженных, много сомнительных типов. Третий вариант тоже не стоит сбрасывать со счетов. Хитрых подонков сейчас развелось достаточно.

Терпухин внимательно осмотрел все тела, надеясь уловить хоть у кого-то признаки жизни. Нет, все мертвы. Мертвы уже больше двух часов. Тяжелое зрелище – запекшаяся кровь, гримасы ужаса и боли. Только одна девочка лет двенадцати лежит спокойно, с умиротворенным выражением лица. Похоже, так и не успела проснуться, когда пуля с близкого расстояния попала ей в затылок.

Терпухин снова вскочил в седло и пустил коня по кругу, пытаясь разглядеть на траве следы. Круги становились все шире, но следов от колес ему так и не удавалось высветить фонариком. Убийцы подбирались пешком, чтобы звук мотора не насторожил цыганское племя.

Откуда они шли? От самой «железки»? Терпухин как раз находился на полпути до ближайшей железнодорожной станции. Он поскакал дальше, бросив на время высматривать красавцев коней.

* * *

– Нет, не видел, – ответил дежурный милиционер на вопрос о группе мужчин.

– А цыган?

– Проскочила одна цыганка по перрону. Я не стал выходить. Как с ними свяжешься – голова потом квадратная. Виноваты или нет – столько всего наговорят, что мозги бантиком завяжутся. Я их не трогаю, если жалоб от потерпевших нет.

– Сама, значит, не жаловалась?

– Кто, она? Смеешься? Когда это цыганки по собственной инициативе к милиции обращались?

– Звони в город. Табор перерезали.

– Откуда знаешь? – недоверчиво поинтересовался сержант.

– Сам видел в степи.

– Тогда побудь здесь. Проведешь к месту.

Мент кинулся звонить, но с полпути вернулся к Терпухину.

– Пошли лучше со мной.

– Да не денусь я никуда. Звони спокойно.

Наряд появился через полчаса. По бездорожью машина могла ехать только на второй передаче. Терпухину приходилось даже придерживать свою лошадь, чтобы не вырваться далеко вперед.

На месте преступления он дал первые свидетельские показания, оставил свои координаты на случай, если понадобится следствию. Менты вызвали по рации подкрепление – работы было выше крыши. Фотографировать покойников, прочесывать окрестности в поисках следов и случайных улик, рыться в пепле, вывозить трупы на судмедэкспертизу.

Про коней Терпухин ничего не сказал, хотел вначале сам разобраться. Кража красавцев коней вполне могла стать поводом для расправы. Но неужели ублюдки, посланные покарать цыган, настолько увлеклись бойней, что позабыли о главном, упустили скакунов? Да еще и свидетельницу...

В степи уже рассветало. На востоке появилась бледно-розовая полоса, четко обозначившая линию горизонта. Но земля еще оставалась черной, лунный диск не померк, и густая трава по-прежнему казалась седой в призрачном свете. Одинокий всадник поскакал на север, потом на запад, потом развернулся на юго-восток.

Родную степь Атаман знал отлично. Она, как материнская грудь вспоила и вскормила его и тысячи других казаков. У каждого настоящего мужчины связь с землей крепче связи с женщиной. Где еще взять источник силы и веры? Люди могут измельчать, но земля – величина

постоянная. С ней не случается ни инфляций, ни девальваций, она дает жизнь всему. Она кормит человека и питает его душу. Разве могут звуки самой прекрасной на свете музыки сравниться с едва слышной симфонией ночной степи?

А вот и след – Терпухин знал, что отыщет его рано или поздно. Вперед, не мешкая!

Две далекие тени промелькнули на розовом рассветном фоне. Развевающиеся гривы, шеи, тревожно вытянутые вперед. Это те самые, испуганные кони. Как убийцы рассчитывали их догнать? Неужто надеялись схватить под уздцы и повести за собой? Если этих людей нанял хозяин коней, он должен был просветить посланцев насчет норова породистых животных. Или среди убийц был кто-то слишком уверенный в своих силах, с арканом в руках?

Не без труда Терпухин догнал скакунов. Теперь три тени вместе описывали по степи неправильные круги. Лошадь под Атаманом заржала, и ей ответили два голоса.

Может быть, на гнедого и вороного подействовало появление рядом существа противоположного пола. Может быть, рассвет помог им преодолеть тревогу и страх. Взмыленные от неустанныго бега шеи коней стали остывать. Выпуклые глаза уже не косились пугливо в сторону.

Наконец Терпухин окончательно поравнялся с красавцами конями. Ласково потрепал одного и другого по холке, развернул в сторону станицы. Было еще слишком рано, и никто не заметил, как он завел их в свою конюшню на хуторе. Накормил, приласкал.

Теперь осталось найти их хозяина.

Глава вторая

Хозяин отыскался просто – по свежему объявлению в городской газете: «С коневодческой фермы угнали двух жеребцов-производителей. За полезную информацию будет выплачено вознаграждение».

Терпухин решил съездить на ферму, глянуть своим глазом, что там творится. Хозяйство ему понравилось. Все здесь делалось с умом, работа поставлена грамотно. А кони... Любо-дорого посмотреть.

Владелец фермы Гребнев тоже понравился Юрию. Не спекулянт, который думает только о выгоде при перепродаже животных. Не холодный делец, которому все равно, на чем срубить деньги. Сразу видно человека, влюбленного в дело, болеющего за него душой.

– По поводу объявления. Есть новости.

– Серьезно? – хозяин чуть не кинулся обнимать незнакомца. – Говори, не томи душу. Живы хоть, здоровы?

– Сперва я задам пару вопросов, не возражаете?

– Насчет денег не сомневайся. Я, конечно, не Билл Гейтс, но слово свое сдержу. Если только это не блеф. Да нет, не блеф, человека видно сразу, как и коня.

– Давно они пропали?

– Третий день пошел.

– Вы кого-то подозреваете?

– Цыган.

– Поручали кому-нибудь поиски?

– В милицию, конечно, обратился. Но они меня сразу предупредили: работы завал, скорых результатов ждать не стоит. Если только поступит сигнал от местных жителей... Своих ребят, конюхов, посылал. Вроде подозрения подтвердились. Люди видели цыган с конями, слишком хорошими для табора... Цыгане ведь тоже разные есть. Старые цыгане лошадей любят, понимают в них толк. А молодые ведь что творят? Воруют лошадей на убой. Убивают, разделывают, потом продают мясо, скрывая, что оно лошадиное.

– Ну, таких коней никто бы не стал пускать под нож. Даже варвары.

– Так вы их видели? Правда, красавцы? Кашмир и Сатана.

– Сатана? Ну, вы и кличку выбрали. Не будет у коня спокойной жизни с такой кличкой.

– Да не я его так прозвал. Я его жеребенком приобрел. Как только не пытались переименовать! Ни на одну другую отзывать не хотел. А насчет молодежи цыганской... Такая же безграмотная, как и наша. Только доллар от рубля и хрен от пальца могут отличить. На лошадей чутья никакого. Воровать талант остался, а любовь потеряли. Могли и зарезать и разделать.

– Пока что могу сказать, что самих цыган поубивали. Больше десяти человек.

– Не может быть! Когда?

– Ночью. Я подумал, что это расправа за воровство. Крутовато слишком, но...

– Откуда у меня средства нанимать киллеров? Тем более в тюрьму я не собираюсь, без меня здесь все рухнет.

– Вижу, что вы ни при чем, иначе не стал бы рассказывать. Поехали ко мне, заберете своих любимцев.

* * *

Терпухин не взял в награду денег. Попросил об ответной услуге – помочь навести справки о таборе.

Тем временем знакомый капитан из краевого отделения милиции сообщил Атаману, что дело взято на особый контроль – не каждую ночь находят столько трупов сразу. Возможно, пришлют и московских следователей.

Юрий знал, как бывает, когда местную бригаду укрепляют за счет столичных кадров. Провинциалы, конечно же, недолюбливают москвичей, которые слишком высокого о себе мнения. Начинается борьба самолюбий, ревность к успехам, стычки и склоки. В результате дело пробуксовывает.

– Тебя уже вызывали на повторный допрос? – спросил капитан Филиппенко. – Будь осторожен с приезжими. Любят иезуитские штучки, мастера давить на психику.

– Кому-кому, а мне этого не миновать. Если первый сообщил, будь готов: затаскают по полной программе.

– От этих цыган одни неприятности. Нет худа без добра – в ближайшие пять лет они здесь не появятся.

– Ну, у тебя и логика, – возмутился Атаман. – Женщины погибли, дети...

– На нашей работе кожа знаешь какая вырастает – с три пальца толщиной. Такому злодейству, конечно, нет оправданий и быть не может. Но ты бы знал, сколько крови нам портит этот народ – все от мала до велика. Попрошайничество, воровство, мошенничество. Ихние бабы уже прекратили гадать, на такой мякине мало кого проведешь. Они теперь целительницы. Выбирают себе жертву и внушают, будто кто-то у нее в семье смертельно болен, нужно срочно меры принимать. Только попадут в квартиру – ни денег, ни золотых украшений.

– Как следствие? Что-то удалось узнать?

– Гильзы нашли в траве: от «ТТ», от обрезов. Гильзы Терпухин и сам видел, но надеялся услышать что-то новое.

– Следы копыт, – продолжал Филиппенко. – Разные отпечатки – не только твоей лошади. Атаман кивнул в задумчивости.

– Может, еще что нашли, – пожал плечами милиционер. – Подробных пресс-конференций для личного состава у нас не устраивают, у каждого своего дерьма по горло.

«Нет худа без добра», – еще долго звучало в ушах Терпухина. Страшно, когда по сердцам обычных, вменяемых людей проходит межа – «чужие» и «свои», «наши» и «не наши». «Не наши» тоже, конечно, люди. Но вреда от них больше, чем от насекомых. Лучше бы они не мелькали совсем. С одной стороны, конечно, жалко. А с другой – что они здесь потеряли? Чего ходят- бродят?

У Терпухина, сколько он себя помнил, было другое чувство. Чувство сына и хозяина казачьей земли. Он ощущал вину, если гостей здесь обижали, если в крае кого-то несправедливо притесняли как иноверцев или просто иноплеменников. Преступник должен сидеть в тюрьме, порядочный человек – пользоваться уважением. Простое и ясное правило.

* * *

Уже завтра хозяин коневодческой фермы Гребнев выполнил для Терпухина то, что обещал. Назвал человека на вещевом рынке, у которого на неделе заезжий цыган купил цветастый платок для молодой жены.

– Парня зовут Леша. Рот не закрывается, второго такого человека на рынке нет. Ему важно не столько продать, сколько поговорить.

– Одно другому не мешает, – заметил Атаман.

– Я уже не стал сам приставать с расспросами. Оставил тебе. Двенадцатый ряд, шестое место.

– Спасибо. Я как раз собираюсь в город.

... На рынке все обсуждали кровавую бойню в степи. Жертв, конечно, жалели, но главным чувством был страх. Страх перед теми, кто сотворил злодеяние, не пощадив никого из табора. Свои орудовали или пришлые? Если пришлые – надолго ли они явились в край? Какие у них цели? Людей с неславянской внешностью среди торговцев стало гораздо меньше, чем обычно. Пустовало больше трети торговых мест, были закрыты оба рестораничка – вьетнамский «Сайгон» и азербайджанский «Хазар».

Молодой парень в двенадцатом ряду выглядел расстроенным. Но это не мешало ему играть первую скрипку в разговоре с соседкой-продавщицей и двумя покупателями.

– Мне он понравился. Веселый такой, с усиками, с кольцом золотым.

– И зубы, наверное, золотые, – предположил мужчина по ту сторону прилавка.

– Зубы вроде нет... Смотрел платки, ткань щупал. Я уже нервничать стал. А он говорит: не бойся, у меня руки чистые. Купил самый яркий из всех, они ж любят поярче. Я спрашиваю – чего у вас мужики не гадают на картах, одни бабы? Он смеяться стал: мужикам не поверят. А я подумал: в натуре ведь не поверят. Женщины всегда считались ближе к колдовству.

– Точно, – кивнул покупатель. – Еще в Средние века над ведьмами суды устраивали, сжигали многих.

– Это все мужчины, они ведь у власти стояли, – продавщица встала на защиту своего пола. – Склоняли, наверное, к разврату. А тех, кто не поддавался домогательствам – на костер.

Тут к ее товару на вешалках кто-то стал присматриваться. Разговор поломался, компания распалась. Настала очередь Терпухина.

– Ты, я слышу, контактил с одним из таборных?

– Ну, если считать, что мы с вами сейчас контактим, тогда и с ним тоже.

– Может, тот обмолвился случайно, где они здесь перекантовались в городе?

– Удостоверение у вас при себе?

– Я что, похож на мента?

– Просто целеустремленный вы какой-то.

– Насчет этого верно, есть грех.

– Я бы с радостью помог. Только был у нас обычный треп: шутки-прибаутки. Поспрашивайте лучше у тех, кто здесь порядки устанавливает. Они ребята наблюдательные, знают много.

Лешина мысль выглядела здоровой. Терпухин легко заметил пару крепких парней – они прохаживались вдоль рядов с тем хозяйским видом, который всегда отличает «шестерок», пасущих подведомственный участок.

Он помнил, кого спрашивать.

– Кочерга далеко?

– А ты кто есть?

– Станичный атаман. Дело у меня к нему.

– Так вы знакомы или нет?

– Ваше дело маленькое. Взять в руки мобилу и передать обо мне наверх.

Оба парня одинаково выпятили подбородки и наморщили узкие лбы, недовольно всматриваясь в терпухинское лицо. Юрий ответил твердым взглядом в упор.

Корявыми пальцами достав из кармана мобильник, один из парней не без труда воспользовался крохотными кнопками. Доложил, выслушал ответ и кивнул в сторону трехэтажного здания по ту сторону рыночной ограды.

Глава третья

Криминальные структуры края признавали за казаками силу и не желали портить с ними отношения. Они искали и находили друзей в милиции и точно так же завязывали контакты с некоторыми самозванными атаманами, прикармливали, вынуждая работать на свои интересы.

Можно поджечь магазин предпринимателя, отказавшегося платить за крышу. И потом платить взятки ментам, чтобы замяли дело. Можно напустить на магазин «народный контроль», одев его в казацкую форму. «Контроль» обнаружит обвес и обсчет, помашет нагайками, перепортит товар, переломает торговое оборудование.

«Казачкйм» может сойти с рук то, что не сойдет другим. Но их атаману тоже нужно кинуть кусок. Остается соотнести расходы – на казаков и милицию. Хотя экономию не всегда нужно ставить во главу угла. Перепадать должно и тем и другим.

Кочерга решил, что очередной самозванный «предводитель» хочет отвоевать себе место под солнцем и нуждается в финансовой поддержке. Мысленно решил не давать ни копейки, пока этот Юрий и его люди не покажут, на что способны.

Но гость заговорил совсем о другом:

– Случилась большая неприятность, сам знаешь какая. Резней в таборе заинтересовались уже в Москве. Наверняка пришлют сюда команду.

– Да слышал я уже, слышал. Начнут вынюхивать по всем углам. Знать бы, кто это устроил! Лично бы подвесил за яйца!

– Найдут на кого свалить. Криминальные структуры – раз, казачьи отряды – два. Других вариантов даже рассматривать не будут, даю голову на отсечение.

– Не спеши. Время сейчас такое, в натуре потом придется под столом искать.

Кочерга выглядел солидно – костюм, галстук, чисто выбритое лицо.

– Как всякий законопослушный бизнесмен, я весь этот криминалитет на дух не переношу, – заметил он с легкой иронией. – Священный дар жизни для них дешевле плевка. Могут убить почем зря. Но мочить кучу народу, тем более паршивых цыган? Ментам придется здорово напрячься, чтобы притянуть за уши мотив – будь они хоть из Москвы, хоть из Интерпола.

– И все-таки надо попробовать им помочь. Чтобы не мучились слишком долго от отсутствия подозреваемых. В таких случаях они иногда любят пофантазировать.

– Козла отпущения подкинуть? – прищурился Кочерга.

– Реальных убийц.

– Если кто-то возьмет это на себя, я только поаплодирую. Но финансировать не стану. Не вижу смысла лично для себя.

– Финансы – дело десятое. Главное – добрая воля.

– Приятно видеть человека, воспарившего так высоко. И в чем должна заключаться моя добрая воля?

– Табор не иголка в стоге сена. Цыгане не та публика, чтобы остаться незамеченными. Если они появляются на чьей-то территории, им приходится дать отчет. Краткосрочный привал – одна песня, долгая стоянка – совсем другая. Они должны получить разрешение на гадаение, разговоры и прочую работу.

– Я тоже слышал про такие правила. Но тор- мознулись они где-то за городом, раскидывать свое тряпье на рынке я бы им не позволил. Верней, мне даже не доложили бы, спровадили бы их без меня. Про табор я узнал вместе со всеми, когда его пожгли. Эта публика гребла вроде бы в Ростов. Но как можно верить цыганам?

* * *

В ростовском направлении поездов хватало, и путь был совсем недолгим – выехав поздно вечером, пассажиры прибывали в город на Дону еще до рассвета.

Всю дорогу Терпухин простоял в освещенном проходе вагона, глядя в непроницаемую черноту по ту сторону окна, где лишь изредка вспыхивали огни. За полчаса перед Ростовом свет вдруг погас на несколько секунд, мрак за стеклом сразу приобрел глубину, ближний и дальний планы. Темно-серое поле, сиреневые кусты, чернильнофиолетовая излучина небольшой речки.

Вдали за речкой вдруг почудились силуэты двух коней – гнедого и вороного. Терпухин не сомневался, что это обман зрения – они на ферме, каждый в своем стойле. Уж теперь-то, чудом вернув свою собственность, Гребнев наверняка усилил охрану.

Свет снова включился, и ночной пейзаж за окном потонул в черноте. Но ненадолго – скоро выплыли первые приметы предместий большого города. Терпухин направился в тамбур – благо вещей у него не было, даже небольшой сумки.

Снова бросил дела, сорвался с места в поисках неприятностей на свою голову. Сколько еще протянется беспокойная его жизнь? Далеко ли в тумане будущего тот день, когда он сам откажется от атаманства или станичники подыщут ему замену? Может, для них гораздо полезней человек, который отгородит Орликовскую стеной от всех невзгод и напастей? Наплюет на проблемы за околицей и будет заботиться только о процветании и благоденствии своих земляков.

Обычно трупы жертв запоминались Терпу- хину. Вспоминались помимо желания, мерещились во сне. На этот раз вышло по-другому: в памяти не запечатлелось ни одно лицо. Застылые позы, раны с запекшейся кровью, раскиданное, не успевшее сгореть цветастое барахло. Но только не лица.

Людей в зале ожидания вокруг становилось все больше. Наполовину пассажиры, наполовину те, кто кормится за счет вокзала – менты, носильщики, таксисты, продавцы мелочовки. Пустоглазый тип торговал жетонами к игральным автоматам, неподвижный, как растение в кадке. Щуплая старушка коршуном высматривала пустую тару.

Наконец толпа достигла критической массы. Стоило здесь поискать цыганок и цыганят. Побродив по перрону, Юрий приметил молодую девушку с ребенком на руках. Ни длинной юбки, ни серег, ни платка на голове. Выкрасилась под блондинку, но цыганка в ней все равно просвечивает. Зашла в вагон электрички, будет милостыню просить от «головой» до «хвоста» поезда.

А вот впереди на перроне другая, постарше. Эта не скрывает своей цыганской сути. Медленно шествует в противоход людскому потоку, высматривает подходящие кандидатуры. Пусть сама обратится первой. Принять слегка рассеянный вид, нацепить безмятежную улыбку.

– Слышишь, красавец? Дай погадаю. Хочешь – по руке, хочешь – на картах. У меня карты особые, столетние.

В подтверждение своих слов цыганка достала замусоленную колоду. Атаман узнал карты Таро – размером покрупней игральных, без мастей, без обычного ряда от шестерки до туза. На каждой – символическая картинка. Смерть в виде скелета с косой, раскидистое дерево с яркими плодами.

– Чепуха, – весело ответил Терпухин. – Не верю я в гадание. Если б даже верил, тем более не захотел бы ничего знать.

– Не хочешь знать о себе – могу погадать на других. На мужчин или женщин, на друзей или врагов.

– Тебя как зовут?

– Софа.

– Меня Юра. Праздник нужен, Софа. Удача выпала, настроение второй день лучше некуда. А вокруг черт знает что – серые улицы, серые лица. Все деловые, все заняты по самое не могу. Решил вот заскочить сюда, в Ростов. Как-никак большой город, жизнь должна бить фонтаном. Может, подскажешь, где здесь душу отвести.

– Пойдем, красавец. Не люблю стоять на месте, – цыганка взяла Терпухина под руку.

Мягко, но властно увела его прочь с перрона, время от времени оглядываясь – нет ли конкурентов, желающих отбить добычу? Цыганок она не опасалась – свои никогда не испортят дело, не поломают из зависти игру. Но есть на вокзале много других любителей богатеньких и щедрых: картежники, проститутки, просто воры. И еще интеллигентные попрошайки – хорошо одетые люди среднего возраста. Любители тихо сокрушаться об украденных в чужом городе деньгах и документах – им всегда не хватает на обратный билет «совсем чуть-чуть».

– Какой тебе праздник нужен, красавец? Только намекни, а я уж подскажу.

– Умели ведь раньше цыгане потешить душу. Сплясать, спеть, приголубить. Говорят, в Москве и теперь есть кабаки с цыганами на речном пароходе. Может, найдется у вас ресторанчик такого плана?

– Рано еще, красавец, в ресторанах гулять. Сейчас там одни уборщицы как сонные мухи ползают. Музыка, сам знаешь, только вечером. Только нет в ресторане настоящих цыган, одни ряженые. Разве сядет цыган на одном месте, чтобы каждый день на хозяина работать? Ни за какие деньги! А что теперь за деньги, даже в кармане не позвенишь.

– Это точно, – охотно согласился Атаман.

– Пойдем, я тебе помогу. Только позвоню предупредить. Нет при себе мобильного?

– Оставил дома. С этим мобильником, как на привязи. Всякий может тебя достать, нагрузить. Не хочу, чтобы меня грузили до конца недели.

– И правильно. Надо же человеку когда-нибудь отдохнуть.

Подойдя к телефону-автомату, цыганка сунула в прорезь тонкую шпильку и позвонила без карточки. Быстро заговорила на своем древнем языке, двигая начерченными бровями. В голосе звучала энергия убеждения. На этот раз она не была смягчена ласковыми интонациями, а изливалась бурно и энергично.

* * *

Скоро Юрий оказался в частном доме на окраине Ростова с покосившимся забором и заросшим травой участком. Большая лохматая собака непонятной породы гавкнула на незнакомца несколько раз, но не слишком злобно. На пороге Терпухина с распростертыми объятиями встретил пожилой цыган, его лохматые свалывшиеся кудри точь-в-точь напоминали шерсть дворовой собаки.

– Милости прошу. Дорогому гостю всегда рады.

Из прихожей из-за спины цыгана послышалось хоровое пение на три голоса.

– К нам приехал, к нам приехал наш Юрочка дорогой!

Здесь теснились три цыганки в возрасте от девичьего до сорока с лишним. Все три при полном марафете – кольца, серьги, смуглые руки с ярким лаком на ногтях, цветастые платья до пола.

Одна держала пластмассовый поднос с полным фужером. «Если и подсыпят какой порошок, то не в первую рюмку», – подумал Терпухин.

– Пей до дна, пей до дна! – из-за спины Атамана присоединились еще два голоса – Софы и кудлатого хозяина.

Опустошив в два глотка фужер, Терпухин почувствовал, как ледяная водка согревает пищевод и желудок.

У кудлатого в руках оказалась обшарпанная гитара с облезлыми переводными картинками. Он провел по струнам и защипнул последнюю. Крепко прижав пальцем лад на грифе, он будто старался вдавить струну в дерево, отчего высокая нота вибрировала и стонала.

«Быстро, однако, берут в оборот. Не размусоливают».

Кудлатый цыган взялся наигрывать несложную мелодию. Но со слухом у него было слабовато, брэнчал кое-как.

– Есть не хочу, – предупредил Терпухин Софу. – С выпивкой тоже не гоните. Расскажите что-нибудь интересное, жизненное.

– Ох, красавец, – вдохнула Софа. – Жизненного вокруг столько: хоть стой, хоть падай.

– Одна хорошая женщина на прошлой неделе из Сибири сюда специально самолетом прилетела, – начала самая старшая из цыганок. – Меня поблагодарить. В прошлом году гостила здесь у матери, и я ей погадала. Еще советы дала, как быть. Так ей помогла, так помогла. Теперь зовет к себе в Хабаровск, у нее там фирма своя. Говорит, кучу богатых клиентов найду, буду как сыр в масле кататься.

Младшая из цыганок бросала на рассказчицу недовольные взгляды. По молодости лет ее пока еще коробило такое вранье.

– Слышали, что с табором нашим на днях случилось? – вставила она, загоревшись от негодования румянцем.

Двинув бровями вверх-вниз, Софа прошипела ей несколько слов по-цыгански. Соображай, мол, когда и о чем вякать. Гостя надо охмурить, поднять ему настроение, а ты о плохом вспоминаешь.

– Слышал в поезде от попутчика, вроде разборка в степи случилась.

– Разборка? – девушка скривила губы.

Тут Софа не выдержала и вытолкала ее вон из комнаты.

– Она у нас со странностями. Не бери в голову, красавец. Давай лучше по чарочке с нашим Алешей.

Кудлатый бросил мучить гитару и потянулся к бутылке.

Глава четвертая

«КАЗАКИ!» – так начиналось обращение, напечатанное по-русски и по-немецки на стандартном бланке.

«Казачи никогда не признавали власти большевиков. Старшие войска – Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское, Уральское (бывшее Яицкое) – жили в давние времена своей государственной властью и не были подвластны Московскому государству. Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда казаки закалили себя в боях.

Когда большевики захватили Россию, казаки с 1917 по 1921 г. боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходящим их числом, материальными средствами и техникой. Вы были побеждены, но не сломлены. На протяжении десятка лет, с 1921 по 1933 г., вы постоянно восставали против власти большевиков. Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями на Крайний Север, вам приходилось вести жуткую жизнь гонимых и ждущих казни людей.

Ваши земли были отобраны, войска уничтожены. Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи. Когда доблестная Германская Армия подошла к вашим рубежам, вы появились в ней не как пленные, а как верные соратники. Вы всем народом ушли с германскими войсками, предпочитая ужасы войны и кочевую жизнь рабству под большевиками. Все, кто только мог сражаться, взяли за оружие. Второй год вы плечом к плечу сражаетесь вместе с германскими войсками.

В воздание ваших заслуг, в уважение прав ваших на землю, кровью предков политую и полтысячи лет вам принадлежащую, в основание ваших прав на самобытность считаем долгом нашим утвердить за вами, казаками, и теми иногородними, которые с вами жили и доблестно сражались против коммунизма:

Все права и преимущества служебные, каковые имели предки ваши в прежние времена.

Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.

Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных военными трудами, заслугами и кровью ваших предков.

Если боевые обстоятельства временно не допустят вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы под защитой фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую работу с Германией и другими народами для устройства новой Европы и создания в ней порядка.

Да поможет вам Всемогущий!

Начальник Штаба

Германского Верховного Командования

Генерал-фельдмаршал КЕЙТЕЛЬ

Рейхсминистр Восточных Областей РОЗЕНБЕРГ

10 ноября 1943 года»

Человек в высокой кабардинской папахе и начищенных до блеска хромовых сапогах еще раз перечитал обращение. Текст выглядел чужим, хотя человек в папахе принимал непосредственное участие в его составлении. Он прочел много советских газет и ненавидел их вовсе не за бесконечные славословия в адрес Сталина. Гораздо противнее были сокращения, введенные в русскую речь большевиками, все эти ЦК, ОСОВИАХИМ, Совнарком и «замкомвоенмор». «Замком по морде», – мрачно шутил про себя генерал.

Не выносил он и сами обороты речи, полные фальшивой бодрости и энтузиазма. Воззвание к казакам должно было быть написано другим, подлинным языком. В общем, это почти

удалось, но местами палку перегнули. «В воздание ваших заслуг...» – слишком уж выпренне звучит.

Здесь зима не нравилась Крайневу – сплошная слякоть. Чем-то она напоминала зимы на Дону и Кубани – по-настоящему морозных дней и там выпадает немного. Главная разница в ветре – по степям он гулял круглый год. Зимой бывал сырым, настырным, пробирался под гимнастерку даже сквозь полушубок и офицерский китель. Скулил по-собачьи, завывал по-волчьи, рыдал, как рыдает женщина над трупом солдата. Одним словом, здорово досаждал.

А вот здесь, в Германии, генералу не хватало этого ветра. Здесь серая пелена на небе никак не хотела сдвигаться с места, дождь и мокрый снег падали сверху вниз одинаково беззвучно.

Человек в папаше серебристо-серого курпья еще раз перечитал воззвание, похлопывая нагайкой по голенищу сапога. Какой смысл радеть о чистоте русского языка, если этот документ проводит окончательный водораздел между казаками и русскими в немецком стане?

Вскоре после Гражданской он писал в эмигрантской прессе, что казаки не могут закрыть глаза на Россию и устраиваться сами. Какой бы союз они ни заключили, как бы ни объединились, Россия, если захочет, всегда раздавит их.

Он помнил эти многолюдные сходки людей, проигравших главную в своей жизни войну. Озлобленных на судьбу, с претензиями к бывшим командирам и боевым товарищам, со своими путаными мыслями о том, что делать дальше, как сковырнуть большевиков. Каждый фанатично дорожил своей военной формой и холодным оружием, орденами несуществующей, рассыпавшейся в прах империи под двуглавым орлом.

Но при всем том многие уже давно, с самого известия о расстреле императора и его семьи, не желали считать себя частью России. Готовы были отстаивать интересы только родного казачьего края. А в Москве и Петрограде пусть устраиваются как хотят.

– Никогда казаки не поднимались против своей матери-России, не поднимутся и теперь, – доказывал генерал в насквозь прокуренном зале. – Говорить о казачьей самостоятельности – значит делать дело Кондратия Булавина, вести их прямою дорогою к виселице. Дело кончится, как в старой песне: «среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами с перекладиною».

– А кто нам стяг самостоятельный дал, как не вы, ваше превосходительство? Кто его поднял над атаманским дворцом? – напомнил тощий казак с ис- синя-черным чубом и Георгиевским крестом.

– Казакам не быть вне России! – не позволил сбить себя генерал. – Казаки – лучшая жемчужина царской короны. Вынуть их нельзя – они исчезнут, затеряются, будут стерты с лица земли. И не давайте себя убедить, что короны российской больше нет. Большевики убили государя, но у нас есть преемник – великий князь Николай Николаевич.

Про себя он хорошо знал правоту станичника с иссиня-черным чубом. В апреле восемнадцатого, после взятия казаками Новочеркасска, круг «Спасение Дона» пригласил генерала Крайнева на пост временного атамана до созыва Большого войскового круга.

В ту же ночь под аккомпанемент ружейной стрельбы на городских окраинах и глухого буханья пушек со стороны Батайска к нему явилась депутация из десятка офицеров и казаков. Прикрыли двери и завели неожиданные речи: «Господин атаман! Просьба к вам от всего войска, от всех казаков. От этого зависят судьбы Дона, наши жизни... Не надо нам красного флага, замаранного кровью. Но добровольческого, трехцветного тоже не хотим. Они нас покинули. Зачем нам их республика? Дайте нам наш флаг, казачий».

Крайнев не был с ними согласен, но остро чувствовал, что в этот момент собственный флаг может поднять дух войска. Через три дня над резиденцией атамана реял на ветру сине-желто-красный флаг на фоне весеннего неба. На том ветру, которого так не хватало здесь, в зимней Германии, спустя двадцать пять лет.

Тогда впервые он соприкоснулся с самостийными настроениями казаков. И решил не грести против течения, только направить его в нужное русло. «Здравствуй, царь, в кременной Москве и мы, казаки, на Тихом Дону». Казалось, он угадал – к августу удалось освободить всю Донскую область и блокировать с трех сторон Царицын. В сентябре Большой войсковой круг избрал его уже не временным, а полномочным донским атаманом. Из трехсот с лишком человек только один подал голос за второго кандидата.

Теснившиеся вокруг казаки глядели на Крайнева во все глаза. Их возбужденные усатые лица сливались в одно, окрыленное волей к победе. Казалось, никто и ничто не устоит перед этими природными воинами, которые унаследовали боевой дух предков, закалили его в боях Первой мировой.

Был третий час ночи, когда новоизбранный атаман, откашлявшись, начал произносить присягу:

– Клянусь именем Бога Всемогущего перед святым Его Евангелием и Животворящим крестом, перед атаманскими войсковыми знаменами служить Донскому войску не щадя живота своего...

Потом обстановка изменилась. Германская армия, с которой Крайневу удалось наладить отношения, эвакуировалась на запад, подчиняясь условиям капитуляции перед Антантой. Пришлось отступать и казакам. Новые союзники – англичане и французы – потребовали создания единого фронта, подчинения Деникину.

Генерал задвинул подальше собственные амбиции, смирил самостийников и согласился на переговоры. Станция Торговая, трудные многочасовые переговоры под свистки паровозов и лязг вагонных сцепок. Копоть на стекле холодного купе в плохо протопленном вагоне.

Казаки и добрармейцы были глубоко чужды друг другу. На фронте воевали вместе, но на общих тыловых базах в Ростове и Новочеркасске поливали друг друга грязью. Люди Крайнева окрестили деникинцев «странствующими музыкантами», а добровольцы упрекали казаков в сношениях с немцами, смеялись над «опереточными», по их мнению символами, «казачьей державы», называли Всевеликое Войско Донское «всевеселым», а Краснова – «хузяином».

Настало время выбирать, и на станции Торговой Крайнев согласился уступить во имя победы. На следующий день атаман известил об этом свое войско. «Подтверждаю, что по соглашению моему с Главнокомандующим вооруженными силами Юга России конституция Всевеликого войска Донского, утвержденная Большим войсковым кругом 15-го сентября сего года, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли, недра земель, иные условия быта и службы Донских армий затронуты не будут. Единое командование – своевременная и неизбежная ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками...»

Листок в руках Крайнева был того же формата. На минуту ему показалось, что сейчас девятнадцатый год, ничего еще не потеряно и не проиграно. Потом буквы приобрели отчетливость, и фамилии в самом низу вернули его к реальности. Кейтель, Розенберг... Сейчас конец сорок третьего, а не начало девятнадцатого. Союзник покрепче Добрармии, но до победы по-прежнему далеко.

Человек в кабардинской папахе и хромовых сапогах сложил листок вчетверо и спрятал в нагрудный карман. Главное, он еще крепко сидит в седле и девиз его жизни прежний: «Пусть с самим чертом, главное – против красных».

Глава пятая

Время от времени во дворе появлялись другие цыганки – без детей и с детьми. Софа выскакивала за дверь и быстро их спроваживала, шепча что-то на ухо и разворачивая обратно к калитке. Хоть Терпухина и посадили спиной к окну, он видел эти короткие сценки краем глаза в зеркале.

Он знал, что цыгане селятся недалеко друг от друга и не просто ходят в гости – жизнь их даже при наличии собственных домов еще остается общинной. Он ждал появления человека, которого хозяйка не посмеет запросто развернуть на выход.

И дождался: у забора притормозил «БМВ». По возрасту машина тянула лет на пятнадцать, зато по цвету была белой, как лебедь. Софа снова кинулась во двор, но теперь уже не раздраженно, а испуганно.

Волосы у пассажира были густыми и черными не по возрасту, подстриженные в «ниточку» усы и выпирающий живот делали его похожим на комедийных персонажей старого кино. В жизни, однако, такой персонаж не вызывал смеха, по крайней мере у своих соплеменников.

Он сразу же стал орать по-цыгански на Софу, бурно выражая свое недовольство. Скорей всего толстяка разозлил сам факт «работы на дому», о которой ему успели доложить.

В прежние времена он вряд ли придавал бы этому значение. Но теперь, после разгрома табора в степи, он не хотел неприятностей. Сегодня Софа задурит человеку голову, выудит из кармана все деньги, а завтра он вернется по этому адресу, и не один. За компанию с жильцами дома могут пострадать и цыгане по соседству.

Софа отчаянно защищалась – кричать она себе не позволяла, но пыталась скомпенсировать это скоростью речи. У нее имелись свои аргументы: мужчина нездешний, никого он не приведет.

Кудлатый Алеша и молодая цыганка на время потеряли дар речи и застыли в комнате, внимательно прислушиваясь к разговору. Позабыли о своей обязанности занимать Терпухина, отвлекать его внимание. Если б у кудлатого имелся хвост, цыган сейчас вилял бы им, как провинившаяся собачонка. Молодка, наоборот, выглядела довольной, что затея Софы срывается.

Хозяйке так и не удалось убедить пассажира «БМВ». Войдя в комнату, он остановился, молча и внимательно разглядывая гостя. Крайнее неудовольствие было написано на лице. Так ничего и не сказав, он вышел вон. До смерти огорченная Софа взялась объясняться с клиентом.

– Понимаешь, красавец, работа у нас бывает сверхурочная. Не время, оказалось, за стол садиться... Куда ты?

Хозяйка собралась выпроводить Юрия, но не так скоро. Терпухин, однако, не слушал ее объяснений, он не хотел упустить из виду черноволосого толстяка. Догнал его за несколько широких шагов возле самой машины.

– Разговор есть.

– Некогда, уважаемый. Спешу.

Толстяк уже пригнулся, чтобы сесть в машину, но Юрий прихватил его за локоть. Водитель мгновенно среагировал, выскочив с битой в руках. Но толстяк одним движением широкой брови, приказал ему не спешить.

– Спортом балуетесь? – заметил Терпухин.

– Жизнь заставляет, – спокойно отреагировал толстяк.

Держался он уверенно и властно. Был он здешним бароном или нет, но во всяком случае занимал в цыганской иерархии Ростова не последнее место.

– Я насчет недавнего дела. Те «чавалы» к нам обратились как положено. Шеф позволил им постоять пару дней и следовать дальше.

- Не знаю я про чужие дела и знать не хочу. Своих хватает.
- Шеф терпеть не может, когда подрывают его авторитет. Что получается? Он дает добро, а какие-то ублюдки вдруг устраивают Варфоломеевскую ночь. Нехорошо, правда ведь? Нельзя это просто так оставить!
- Я уже сказал: у нас в городе все тихо. Где там что стряслось, я без понятия.
- Не надо ля-ля. Все ты знаешь и ухо держишь остро. Потому и Софу обругал, что не время ей было сейчас приводить неизвестно кого домой.
- Много всякого всего народ гонит. Сразу не поймешь, правда или нет.
- Тебе понимать необязательно, я сам разберусь. Главное, дай мне с ней поговорить.
- С кем?
- Со свидетельницей. Она же их видела собственными глазами.

* * *

Как ни пытался толстяк разубедить Терпухина, это ему не удалось. Юрий сел на заднее сиденье «БМВ», перекрашенного по цыганскому заказу в белый цвет, и машина тронулась с места.

Толстяк боялся поворачиваться спиной, всю дорогу сидел вполоборота. Настроение его изменилось. Теперь он доказывал, что не общался со свидетельницей, ни о чем ее не выпрашивал.

– Она вообще ни с кем не хочет разговаривать. Страху такого натерпелась, у нее язык отнялся!

– Ты ей, главное, скажи, что их найдут и накажут. Найдут быстро, если она не будет молчать.

– Попробую. Только насильно рот человеку не откроешь.

– По-хорошему, ласково. Два слова скажи, дальше я сам.

Через распахнутые ворота белый «БМВ» заехал на участок, заросший травой, как и у Софы, только в три раза больший по площади. И дом был больше, со множеством разномастных пристроек. За большим столом, вынесенным на свежий воздух, собралось человек десять. Овчарка сразу дернулась, натянула цепь и отчаянно залаяла на незнакомца.

Люди тоже проявили враждебность, особенно несколько молодых парней, вскочивших на ноги. Можно было подумать, что каждого из них тоже удерживает невидимая натянутая цепь, иначе все разом кинулись бы на светлоглазого мужчину. Значит, свидетельница где-то рядом. В каждом незнакомце славянского типа они видели угрозу.

Толстый цыган с мрачноватым видом бросил пару слов. Слова настолько же убедили людей за столом, насколько самого толстяка убедила Софа. Враждебности меньше не стало, хотя никто не посмел открыто протестовать.

По кивку старшего один из молодых ребят, скрипя зубами, проверил гостя на предмет оружия. Сам толстяк скрылся в одной из пристроек и уже через пару минут показался снова, отвел Атамана в сторону.

– Извини, уважаемый. Не хочет она, даже на меня смотреть не стала.

– Все понимаю. Только потом будет поздно. Вдруг дело одним табором не ограничится? Вдруг еще кто из ваших пострадает?

– Хочешь – сам зайди. Только, извини, одного не пущу. Кто-нибудь из наших будет рядом.

«Любой светловолосый мужчина в ближайшие недели будет вызывать у спасшейся цыганки ужас. Лучше поговорить с ней через стенку?» – решил Терпухин.

– Где ее комната?

Толстяк повел Юрия в обход дома к одной из задних пристроек, возле которой разрослись огромные кусты сирени, уже сбросившие цветы.

– Попробую отсюда. Вдруг получится?

– Она тебя услышит.

– Только контролеров мне не надо, договорились? Как ее зовут?

– Маня.

Терпухин присел на корточки, прислонившись спиной к бревенчатой стене возле небольшого занавешенного изнутри окошка. Проводил глазами толстяка и помолчал, собираясь с мыслями. Одно неудачное слово могло все испортить. Казалось бы, легче завоевать доверие человека, когда называешь его по имени. С другой стороны, цыганка может испугаться, что имя ее, единственной свидетельницы, стало известно.

– Послушай, – решил наконец Юрий. – Знаю, тебе не хочется сейчас никого видеть, поэтому не лезу на глаза. Я вообще настаивать не стану. Если будешь молчать, просто уйду. Приключилось несчастье. Тебе кажется, что жизнь остановилась, но она движется дальше. Если убийцам все сойдет с рук, история может повториться.

Он решил сделать паузу и подождать реакции. Ни звука в ответ, ни шороха, как будто толстяк обманул и за стенкой пустая комната. Что еще можно сказать, как повлиять на замкнувшуюся на десять замков женщину? Как достучаться до ее обожженного сердца?

– Я твой друг. Не видел тебя ни разу, но это дела не меняет. Все равно я твой друг. Послушайся совета: тебе будет легче, если преступников накажут. Всем будет легче.

Он снова замолчал, прислушиваясь. Различил вдруг шорох, но не изнутри пристройки, а рядом, в кустах. В сумерках блеснуло лезвие, но он уже был готов перехватить руку с ножом и, ломая ветки сирени, прижать ее к земле.

Хрипя от бешенства, молодой цыган пытался вцепиться Атаману в горло. Но Терпухин уверенным самбистским приемом перевернул его на живот, вдавил колено в позвоночник.

– Не мешай, прошу тебя. Наберись терпения, дождись, пока я освобожусь.

Ослабив хватку, он выпустил противника, позволив тому подняться на ноги. Молодой цыган отпрянул на несколько шагов и встал в стойку, пружинисто покачиваясь на широко расставленных ногах.

– Потом, – махнул рукой Терпухин, отшвырнув в его сторону нож.

Такого подарка парень не ожидал. Он точно знал, что этот человек безоружен. И снова с легкостью предоставляет преимущество? На несколько секунд цыган опешил, потом попятился назад, за угол. Атаман провел ладонью по волосам, чтобы снова сосредоточиться, и занял прежнюю позицию у стены, неподалеку от окна.

– Ну что решила? Скажи хоть словечко.

– Уходи, – раздалось едва слышно.

Ничего не оставалось, как признать свое поражение. Запасных вариантов Атаман заготовить не успел.

Когда он вернулся во двор перед домом, его встретили напряженным молчанием. Но градус враждебности явно поубавился. Все поняли, что незнакомец ничего не добился и отступил, не желая ломать копья. Парень, прокраившийся через сирень с ножом, стоял скрестив руки, не выказывая намерений затеять новую стычку. Даже овчарка залаяла на Терпухина без прежнего ожесточения.

Водитель еще сидел за рулем «БМВ», толстяк предложил подвезти Юрия. Атаман отказался, решив пройтись пешком и собраться с мыслями.

Он долго шел не сворачивая, пока его не нагнала запыхавшаяся крашенная цыганка, одна из тех, кого он встретил во дворе. Нет, еще раньше. Теперь Терпухин узнал ее, это она рано утром зашла с ребенком на руках в вагон просить милостыню.

– Постой, – утерев рукавом вспотевший лоб, она уперлась руками в бока.

Взглянула пристально, будто хотела просветить насквозь.

– Ты ж хотел узнать...

В карих глазах отражалось нечто большее, чем беспокойство о деле. Не раз и не два Юрию приходилось видеть такие взгляды – он нравился многим женщинам.

– Еще как хотел.

– Тогда послушай. Она только со мной поделилась, никто про это не знает. Давай отойдем с дороги, не хочу, чтобы нас видели.

Цыганка поправила на голове цветастый платок, чтобы Терпухин не видел темных волос, отросших от корней и портящих всю красоту. Объяснила, что вместе с подругой ухаживала за Маней первые дни, кормила с ложечки.

– Врачу не показывали?

– Зачем? Ее не ранили, даже не задели. Только напугали сильно, стреляли вдогонку.

– На коня заскочить успела?

– А ты откуда знаешь?

– Я был там той же ночью, видел, что натворили...

– Только не рассказывай, не надо, – цыганка невольно зажмурилась.

– Спрятаться ей было негде. Только ускакать.

– Она теперь всех мужчин боится, даже наших цыган. Я хотела предупредить, чтобы ты время попусту не тратил. Но ты ведь все равно не поверил бы, попытал бы счастья.

– Попытал бы.

– Я одного боялась – вдруг не догону, вдруг ты свернуть успеешь... Теперь она и при мне молчит, а тогда сто раз одно и то же повторяла, как в бреду. Напало на них человек десять. Хотя какие они люди, даже зверьми не назовешь. В гимнастерках и сапогах. У всех сабли вот такие, – цыганка развела руки в стороны.

– Больше никаких примет? Может, чье-нибудь лицо запомнилось?

Собеседница покачала головой.

– Что-нибудь кричали, когда нападали?

– Молча резали. Только наши цыгане кричали. Но там, в степи кричи не кричи...

– Что она еще рассказывала? Коней пытались ухватить?

– Поздно спохватились. Она вскочила на вороного, гнедой тоже помчался. Они долго стреляли вслед.

«Стреляли, рискуя попасть в коня. Значит, на животных им было плевать, явились конкретно по цыганские души».

– До меня никто ее не искал?

– Не слыхала.

– Они обязательно заявятся. Если я догадался искать ее здесь, значит, и они сообразят. Надо увозить ее отсюда.

– Мы уже и сами думали между собой. Надо только Степе в голову вложить.

Так, очевидно, звали толстяка.

– В крайнем случае погадаешь на картах, что добра ей в Ростове не будет. И остальным всем надо прикусить язык, забыть про Маню на ближайшее время и не купиться на дешевку.

– Обижаешь, начальник. Когда это цыгане покупались на дешевку? Это ваши покупаются.

– Хорошо. Пусть запомнят, если кто будет справки наводить. Хоть даже мент – какой из себя, кто по званию. Дашь мне знать.

– По какому телефону?

Мобильника у Юрия не было, не уживались они у него. Один в начале года потерял в переделке, следующий разбил. Решил не тратить больше денег. Осталось воспользоваться давней дружбой. Сюда, в Ростов, лет пять назад перебрался Вадик Белов, бывший земляк – женился на разведенной бабе, хозяйке рекламного агентства.

Когда-то они с Вадиком вот так же заскочили в Ростов на пару деньков. За этот короткий срок Терпухин угодил в переplet при захвате заложников на рынке, а Вадим, любимец фортуны, оторвался по полной программе со знойной женщиной, обладательницей роскошного бюста. С тех пор повадился в город на Дону и очень быстро осел, позволив прибрать себя к рукам.

Атаман дал цыганке рабочий телефон агентства.

– Скажешь, новости для Юрия. Сразу называй место и время встречи.

– И ты успеешь прилететь? – недоверчиво спросила цыганка.

– Я здесь еще три дня. За этот срок что-нибудь обязательно случится.

Глава шестая

– Юра? Глазам не верю! Ну ты и сохранился! Все стареют, а ты цветешь и пахнешь.

– Главное – не расслабляться, – ответил Терпухин, высвобождаясь из объятий.

– Это точно. Я вот который уже год расслабляюсь. С одной стороны, приятно. С другой, видишь, какие мышцы на животе отрастил.

До того толстого цыгана Вадиму было далеко, но килограммов он набрал прилично. Да и кто бы не набрал, катаясь как сыр в масле? Одетый в шелковый халат, благоухающий дорогим одеклоном, Белов стал демонстрировать старому другу свои теперешние апартаменты.

– Проект московский, в двух уровнях. В Ростове таких домов раз-два и обчелся. Пошли ванную покажу. Взвод девок поместится.

Дружба часто связывает разных по характеру людей. Терпухин совмещал в себе два главных казацких начала – хозяйское и ратное. С одной стороны, любил заниматься хозяйством, проводить весь день в заботах о севе, лошадях, пчелах и фруктовых деревьях, с другой – постоянно отрывался от родного хутора, так и не научившись до сих пор равнодушию к чужим бедам.

Белов во всей красе воплощал в себе третье истинно казацье начало – разгульное, не знающее тормозов, если речь идет о бабах, выпивке, охоте и прочих мужских удовольствиях. За прошедшие годы он несколько не остепенился, только страх перед разводом иногда вставал перед ним, как тень Командора. Он тогда мог потерять все: квартира, машина и фирма были записаны на жену. Не питая насчет Белова никаких иллюзий, она заставила его подписать необычную бумагу – брачный контракт, где он заранее отказывался от возможных претензий по разделу имущества.

– Искупишься с дороги? Здесь у меня и джакузи, и полный набор ароматизаторов. А я пока сооружу выпить-закусить.

Проблем с этим не возникло: бар был забит разномастными бутылками, холодильник – продуктами.

– Жена условия создает, чтоб налево не тянуло.

– На работу не пыталась отправить?

– Сейчас в любой конторе одни бабы. Пустить козла в огород? Но без дела сидеть не дает: обращается за бесплатными консультациями. Я для нее типичный средний потребитель. Даю оценку действенности рекламы.

– Уже не средний, вырос над собой. Вон какими словами кидаешься запросто.

– Каждый день норовит припахать – звонит и звонит. Правда, потогонный метод со мной срабатывает. Если очень постараться, Белова можно по стенке размазать. Но сильно напрячь ей не дано.

Откупорив одну за другой две бутылки коньяка, он залил их в прозрачную емкость с миниатюрным золотистым краником – судя по всему, этот сосуд обосновался на кухонном столе давно.

– Отвык разливать из бутылок. Неудобно держать на весу. А здесь легко и красиво – открыл двумя пальцами краник и закрыл обратно. Прошу.

– Твое здоровье.

– Сперва за встречу... Ты снова деловой весь из себя? Опять тебе кто-то не угодил?

– Жена твоя скоро появится?

– А хрен ее знает. Бывает и допоздна задерживается.

– Не ревнуешь?

– Да хоть бы и ночевать не пришла. Я бы с удовольствием не вмешивался в ее личную жизнь, если б она не трогала мою. Не беспокойся, скоро позвонит. Каждые час-полтора звонит, проверяет.

– По телефону тебя не очень-то и проверишь. Здесь видеочамера нужна.

– Я тоже так думал. А она на расстоянии чувствует, есть кто рядом или нет. Если трубку не возьму, позвонит по мобиле и тоже моментом определит – с бабой я или нет. Сейчас сам убедишься.

Супруга позвонила через полчаса. Атаман на расстоянии услышал из трубки ее энергичный голос.

– Привет, дорогой. Что у нас за гость?

– Земляк, представляешь? Юрка Терпухин.

Атаман только однажды общался с Ириной Александровной, но она сразу вспомнила его имя и фамилию.

– Гостей ты у нас принимать умеешь. Отдыхайте пока, а я привезу вам что-нибудь вкусенького.

Терпухин знаком попросил, чтобы товарищ передал ему трубку. Поздоровавшись, извещил владелицу агентства:

– Я сегодня дал ваш рабочий телефон на случай крайней нужды. Простите уж за самовольство.

– Ничего страшного. Для друзей Белова всегда пожалуйста. Особенно если они приезжают без боевых подруг.

* * *

Ирина Александровна приняла гостя чрезвычайно любезно. В мужчинах она отлично разбиралась и еще давно, при первой встрече, поняла, что Терпухин не будет провоцировать «забеги в ширину» и не поддержит такой идеи от ее благоверного.

Сидя бок о бок с вернувшейся с работы супругой, Вадим пил, ел и говорил за троих. Впрочем, и жену со старым другом не забывал вовлекать во все эти три процесса. Основательно опьянев, не забывал об осторожности: о девочках не упоминал даже в прошедшем времени.

Терпухин хотел отоспаться, но свято исполнял долг гостя – составить компанию хозяевам. Во втором часу ночи Вадим отпросился на минуту «по маленькому». Его не было достаточно долго, чтобы жена забеспокоилась.

Дверь в туалет оказалась незапертой. Белов спал стоя, ровно дыша, привалившись боком к стенке, выложенной итальянской кафельной плиткой. Владелица агентства отказалась от помощи Терпухина, уверенно подхватила мужа под мышки и оттащила в спальню, сбросив как мешок на роскошную кровать под пологом.

Юрий решил, что и он теперь получил право отдохнуть. Но не тут-то было. Хозяйка, в свою очередь желая поделиться наболевшим, позвала его продолжить ужин и беседу. Монументальная женщина с широкой костью, крупными, грубоватой формы ладонями и взбитыми мелированными волосами, она позволила себе поплакаться:

– Устала его пасти, понимаешь? Пока мы вместе, все в порядке, просто души во мне не чают. Только я за порог, он уже над собой не властен. Либо сам потянется к каким-нибудь извини за выражение, блядям, либо попробует кого-то нелегально сюда протащить. Как сынок, который тайком от мамочки балуется. Если б я была на десять лет старше... Но я ему не мамочка, мы практически ровесники. Может, ты на него повлияешь? Пристыдишь или как-то по-другому.

– Ты пойми, Александровна, мужики ведь не меняются. Это просто вы, женщины, на нас смотрите под разным углом зрения и при разном освещении. С удовольствием помог бы, но тут я пас. Учитесь принимать нас такими, какие мы есть.

– Если б он меня по крайней мере не считал за дуру.

– Не считает, насчет этого можешь не беспокоиться.

– А как иначе расценить? Представляешь, какое он оправдание себе нашел? Голоса у него в голове звучат! Сам бы он ничего не натворил, но вот голос позвал, а голосу сопротивляться никак нельзя!

От возмущения она не удержала на вилке шпротину, наколотую вместе с долькой лимона, – рыбка упала на свежую белую скатерть, испачкав ее маслом.

– Черт с ней, отстирается.

Тут из сумочки Ирины Александровны зазвонил мобильный телефон.

– Мне вообще позванивают поздно. Так и есть, с работы... На фирме всего два компьютера, не считая бухгалтерского. Зачем мне покупать еще, я лучше эти загружу в две смены.

На сей раз Терпухин не слышал голоса в трубке, только наблюдал за выражением Ириного лица.

– Информация для вас, – сообщила она, пряча телефон обратно в сумочку. – Позвонил женский голос, попросил передать Юре, чтобы подъехал к трем часам к кинотеатру «Мир». Насколько я знаю, там не бывает ночных сеансов. Или для тебя специально организовали?

– Возможно.

Терпухин не ожидал вызова так скоро. Поднялся с места, поблагодарив за угощение.

– погоди прощаться, я тебя отвезу.

– Ты ж прикладывалась к рюмке вместе с нами!

– Вот именно что прикладывалась.

– Гаишников такие тонкости не интересуют.

– Я для них бесплатно ролик сварганила. Полгода по городскому каналу ратовали за безопасность движения. Так что они у меня в Долгу.

– Это они тебе сказали или ты сама так решила? Отдыхай, Александровна. Город большой, такси хватает.

– У тебя что, деньги лишние? По ночам знаешь сколько сдирают? Как будто мы не в Ростове живем, а в Москве.

По дороге она продолжала делиться наболевшим:

– Конечно, я его люблю. Если б не любила, давно бы послала подальше. Первого своего так послала, что он на другой конец шарика полетел, в Новую Зеландию. Сейчас там хреном киви околачивает.

– Недостатки у Вадима есть, – согласился Терпухин. – Зато человек он невредный... Хватит, тормози.

– Еще три квартала.

– Ноги тоже надо нагружать.

– Так боишься показать свою кралоу? Ну, ладно-ладно, не будем вдаваться в нюансы. Как освободишься, возвращайся к нам. Не смей думать ни о какой гостинице.

Цыганка ожидала встречи в ближайшей от кинотеатра подворотне.

– Ты как в воду глядел. Тачка мусорская объезжает всех наших цыган, про Маню спрашивает. Обысков пока не устраивали, просто интересовались.

– Видела машину?

– Сама не видала. Говорят, двое там – один майор и еще один в штатском.

– Давали телефон на всякий случай?

– Ты и без карт все угадаешь.

Цыганка достала большой, неряшливо оторванный кусок газеты с номером, коряво записанным в углу.

– Маню сообразили оттуда убрать?

– Убрали. Думаешь, они ненастоящие мусора?

Цыганка уже успела заново подкрасить волосы. Платок ее красовался теперь на плечах, оставляя голову непокрытой.

– Еще не знаю. Сколько человек среди ваших в курсе, где она сейчас?

Не совладав со счетом в уме, цыганка взялась загибать смуглые пальцы с дутыми, надра-
енными до блеска кольцами.

– Шестеро. Даже семь.

– Много. Приметы они называли?

– Имя назвали. Прямо сказали: нужна свидетельница.

– Надо позвонить, раз просили. Ваша Софа умеет без карточки.

– Большое дело, – собеседница Терпухина пренебрежительно оттопырила губу.

Вместе подошли к ближайшему автомату, где она повторила Софин трюк.

– Пожалуйста. Говори сколько влезет.

Набрав номер с газетного обрывка, Терпухин дождался десятого длинного гудка и только после этого дал отбой. Если бы Маню искали преступники, они бы ответили в любое время дня и ночи. Выходит, в самом деле менты ищут? Что ж, вполне возможно. Но за ними могут следовать по пятам, рассчитывая в последний момент опередить.

Глава седьмая

Утром Юрий перезвонил еще раз. Голос звучал недовольно, как звучит голос человека, вынужденного ни свет ни заря являться на службу.

– Я насчет той самой... Насчет Мани, одним словом.

– А-а. Ну, говорите, записываю.

– Просто так говорить? Я думал за вознаграждение.

– Родная милиция вас бережет, а вы не то что пальцем пошевелить, слово бесплатно не хотите сказать! Совсем уже совесть потеряли!

– Запросы у меня скромные. Если хоть пятьсот рублей...

– Ладно, получите вы свое.

Это обещание не означало гарантию оплаты. Но Терпухин решил не переигрывать. Встречу назначил в городском парке. Если кто-то, не желая светиться, осторожно следует в хвосте милицейских поисков, здесь его легче будет разглядеть.

Была еще одна причина выбрать именно парк. Ближайшую улицу на половину длины разрыли из-за ремонта проложенных труб, подъехать и отъехать можно было только с одной стороны. Это облегчало Атаману задачу.

За полчаса до назначенного срока он выбрал точку для наблюдения – ряды лотков напротив парковой ограды. Здесь можно было толкаться достаточно долго, не привлекая к себе внимания.

Милицейская машина подъехала вовремя. Пока все совпадало: майор и сотрудник в штатском. Во втором Терпухин узнал человека из следственной группы, он принимал участие в допросе самого Юрия по свежему делу. Теперь, значит, отправили в командировку. Причем на служебном транспорте: номера у машины краснодарские. С ментами все чисто – настоящие, не ряженые.

Оба уверенно направились по центральной аллее к оговоренному по телефону месту встречи. Сам Терпухин не собирался туда идти, его устраивала теперешняя диспозиция.

Следом за милицейской машиной подъехал автобус с детьми школьного возраста. Они стали высаживаться с громким смехом, толкаясь и весело переругиваясь. Возле автобуса пристроилась ничем не примечательная, давно не мытая «шестерка» – под пыльным налетом проступал вишневый цвет.

Терпухин сдвинулся чуть ближе, чтобы лучше рассмотреть лицо человека за рулем. Правильные черты – настолько правильные, что трудно зацепиться за какую-то особенность. Через час захочешь и не сможешь воссоздать в памяти. Этот? Но как преступники рассчитывают успеть первыми? Шустри не шустри, все равно обречен ехать следом.

К «шестерке» от торговых рядов подкатили тележку, стали грузить картонные коробки с товаром сперва в багажник, потом в салон на заднее сиденье. Загруженный под завязку «жигуль» покатил дальше. Первое подозрение оказалось безосновательным.

Юрий снова перевел взгляд на милицейскую пару. Уже сошли с аллеи под деревья, озираются по сторонам. Скоро ли они догадаются взглянуть под ноги?

В ожидании развития событий Терпухин пытался поставить себя на место преступников. Им нужно добраться до Мани первыми, значит, указателем не может служить ментовская тачка. Они должны услышать адрес раньше, чем блюстители порядка тронутся в нужном направлении. С помощью спецаппаратуры можно разобрать слова на расстоянии, даже сказанные на свежем воздухе, под сенью парковых деревьев. Или он слишком далеко зашел в своих домыслах и никто не дышит ментам в затылок?

В машине остался водитель. Курил в ожидании, выдувая дым в открытое окно и сбрасывая наружу пепел.

Этот, наверное, никуда не торопится – часы тикают, служба идет. А вот в парке майор и сотрудник в штатском начинают проявлять первые признаки нетерпения. Фигурки выглядят крохотными, но отчетливо видно, как оба топчутся на месте. Да опустите же глаза, пока окончательно не затоптали бумажный шарик. Нельзя же, честное слово, быть такими тупыми.

Слава те, Господи, майор соизволил нагнуться. Поднимает что-то с земли. Остается надеяться, что это записка, а не старый бычок. Идут обратно к машине. Теперь важно самому не упустить момент.

У входа в парк стояло несколько такси с такими крупными «шашечками» на боках, что их различил бы любой инвалид по зрению. Терпухин сел в одну из машин, чем несказанно обрадовал скучающего без клиентов таксиста.

– Куда путь держим?

– Погоди, надо усесться поудобнее.

Майор и сотрудник в штатском тоже сели в машину. Им, конечно, и в голову не пришло положить в дупло дерева скромное вознаграждение, как просил в записке «информатор». Собравшись отъезжать задним ходом, милицейский водитель дал сигнал – сутулый тип с бутылкой пива нехстати оказался на пути. В следующий момент Терпухину все стало ясно. Никакой спецаппаратуры, чисто человеческий фактор.

Сутулый тип не спешил освобождать пространство. Прикинулся подвыпившим и стал базарить – сбивчиво, зато активно. Майор с угрожающим видом выглянул в окно, надеясь, что погоны заставят «шланга» быстро протрезветь. «Шланг» правдоподобно поперхнулся от испуга. Но с места все равно не сдвинулся, будто в ступор попал.

Потеряв терпение, водитель выскочил и грубо оттолкнул его прочь с дороги. С дистанции метров в тридцать Терпухин не заметил ничего подозрительного. Но ему уже не нужно было ничего замечать. Он точно знал: искра информации незаметно проскочила, адрес назван одним движением губ. Как только менты отъедут, «любитель пива» достанет мобильник и сориентирует кого надо.

У Терпухина была альтернатива: брать сутулого за живое прямо сейчас или мчаться по тому адресу, который сам же подкинул. Он выбрал второе. Сутулый мог оказаться «шестеркой», а вот срочно «решить вопрос» с Маней – на такое дело должны были отправить людей не самых рядовых.

* * *

Вчера в разговоре Вадим упомянул про один элитный дом в Ростове. Его начали было строить осенью прошлого года. Быстро возвели коробку, но вскрылись какие-то темные дела, и стройку заморозили.

Терпухин решил подкинуть ментам именно эти координаты. Девушка, укрытая в таком здании, конечно, не иголка в стоге сена. Но двенадцатиэтажку с шестью подъездами быстро проверить не удастся – ни милиции, ни преступникам, если они попробуют опередить служителей закона. Есть шанс накрыть подонков самому или с помощью ментов, если их соберется достаточно.

Стройка не охранялась, если не считать сторожа в вагончике. Внутреннюю отделку так и не успели начать, стеклопакеты не вставляли. Воровать бетонные лестничные марши и выламывать кирпич – хозяева стройки не ждали такого даже от самых отморозенных сограждан.

Терпухин не был уверен, что успел первым. Милиция точно не подъехала, а вот преступники могли примчать чуточку раньше. Если они уже шныряют вверх-вниз в поисках цыганки, значит, кто-то другой из банды рулит на городских улицах – приклеился к ментам и сообщает об их передвижениях.

Скорей всего майор и его напарник вызовут подмогу. Не столько из опасения попасть в переплет, сколько из нежелания париться, проверяя вдвоем кучу помещений. Машина с омоновцами может приехать чуть раньше. Без майора досмотр делать не начнут, но могут повести себя грамотно и оцепить всю стройку.

Наверняка кто-то из преступников обозревает окрестности через оконный проем. Нужно с самого начала соблюдать осторожность. Перепрыгнув через низкий забор со стороны торца здания, Терпухин низко пригнулся. Заскочил в ближайший подъезд и резко притормозил, прислушиваясь.

Звуков хватало, но все они просачивались с улицы, не встречая преград в виде застекленных рам. Изнутри не слышалось ни голосов, ни шагов. Бесшумно, как дикая кошка, Терпухин рванул вверх по лестнице, понимая, что кто-то другой сейчас так же бесшумно и быстро перескакивает с этажа на этаж, принюхиваясь в надежде различить запах женщины.

Не все перегородки были еще заделаны. С некоторых лестничных площадок удавалось одним взглядом окинуть сразу несколько будущих квартир, чьи комнаты пока лишь условно размечались серыми железобетонными столбами. Терпухин чувствовал, что его самого могут разглядеть в любой момент.

Добравшись за несколько минут до верхнего этажа, он снова заставил себя остановиться. Черт возьми, как будто не ростовская улица внизу, а Бродвей! Шум не стал не на йоту тише. Гудки машин, ворчание двигателей, громкий женский смех. Из какой-то забегаловки доносятся набившие оскомину звуки песни «на троих» из «Собора Парижской Богоматери». И там, в «Соборе», все закрутилось вокруг цыганки... Но сейчас это неважно, важно прислушаться, нет ли кого на крыше, а шумное дыхание улицы все забывает к чертям собачьим.

Юрий резко высунулся наружу. Никого и ничего, нет даже привычных телеантенн. Только подогретый солнцем битум. Перескочив по крыше в следующий подъезд, он начал двигаться в обратном направлении – сверху вниз, перепрыгивая через ступеньки. Этажи мелькали перед глазами, будто карты из колоды.

Внизу скрипнули тормоза. Из ближайшего проема он разглядел знакомую ментовскую легковушку и еще микроавтобус, откуда степенно выгружались ребята в камуфляже. Их было немного, человек пять-шесть. Но Юрий решил больше не задерживаться в доме.

Даже если он проявит упрямство и пойдет на риск быть обнаруженным милицией, продолжать здесь собственный поиск не имеет смысла. У преступников тоже есть уши, и они благополучно расслышали скрип тормозов. Если и остался шанс зацепить их, то не здесь, среди необжитого бетона. Зацепить снаружи – на отходе, при срочной эвакуации.

К моменту появления милиции Терпухин уже спустился до уровня четвертого этажа. Еще с крыши он присмотрел на всякий случай кучу песка с тыльной стороны дома и сейчас уверенно прыгнул вниз.

Песок оказался сухой штукатурной смесью, известковая пыль ударила в нос. По ту сторону забора уже слышались голоса – пару омоновцев послали сюда на всякий пожарный, если цыганка или кто-то другой вздумают сбежать.

Юрий присел на корточки за передвижной станцией для подачи штукатурного раствора – ее грязный «хобот» беспорядочными кольцами валялся на земле. Отсюда просматривалась вся тыльная стена дома. Пока не было признаков, что кто-то другой намерен срочно скрыться. Неужели преступники среагировали раньше и вся затея принесет неприятности только ему одному?

Теперь уже не было нужды прислушиваться, чтобы расслышать из дому стук шагов. Явившиеся по записке не собирались таиться, громогласно окликавая цыганку по имени. Укрытие Терпухина никак не претендовало на надежность, его присутствие внизу могли обнаружить, просто-напросто выглянув из окна.

Взгляд Юрия упал на люк с чугунной крышкой. Похоже, там находился вентиль водопроводной трубы, к которому подключали штукатурную станцию. Бережно приоткрыв крышку, Атаман скользнул внутрь, в сырую темень, и быстро задвинул за собой чугунный диск.

Могли преступники уйти этим маршрутом? Он быстро обнаружил, что просторного коллектора под землей нет – всего лишь колодец, составленный из нескольких бетонных колец. Нащупал в темноте саму трубу, муфту, вентиль крана и несколько блаженствующих в сырости лягушек.

...Только через полтора часа он смог вылезти наружу. Менты покончили с поисками, допросив напоследок сторожа, который не смог им выдать ничего внятного. Крышку люка они не подумали трогать – уехали не солоно хлебавши.

Терпухин мог бы радоваться, что счастливо отделался, но повод для огорчения был. Преступники, обязанные отреагировать на его приманку, либо почувствовали в последний момент фальшь, либо проявили чудеса осторожности. Или это он заподозрил в обычном любителе пива талантливого актера, а в шофере ментовской машины – платного осведомителя банды мерзавцев?

Он еще не поставил на место крышку люка, когда точно такая же крышка встала на ребро в другом конце здания и рослый человек со стволом в руках выскочил наружу. Терпухина он увидел почти сразу и мгновенно среагировал, передернув затвор.

Юрий слегка присел, инстинктивно прикрываясь крышкой люка. В щит угодили одна за другой две пули, их ударная сила болью отдалась в руках и толкнула Атамана назад.

Сюда, в двенадцатизэтажку, он явился без оружия из-за риска быть задержанным милицией. Рассчитывал на эффект внезапности, но в результате этот эффект чуть не сработал на противника. Пришлось отступить от тех, кого он так жаждал обнаружить. Их было трое. Если второй колодец с вентилем был подобен первому, тогда им пришлось основательно уплотниться, чтобы уместиться внутри.

Кисти рук отнялись от боли. Подпрыгнув с места вверх, Юрий уперся локтями и забросил свое тело в ближайший оконный проем.

Сторож, расслышав стрельбу, мог вызвать милицию. Кто-то из троицы не упустил это из виду.

– Дай ему по зубам, чтоб часок отдохнул – эти слова относились не к Терпухину.

Свободы для маневра у Атамана пока хватало. Главное – самому не загнать себя в тупик, чтобы не пришлось потом разбивать кирпичные перегородки или цепляться ногтями, забираясь вверх по стене.

Он рассчитывал, что троица рассредоточится, чтобы зажать его в клещи. Но противники не проявляли самоуверенности, а продвигались по зданию вместе, не разрывая общей связки. Несколько раз Терпухину удалось их различить сверху – рослые, одетые в «гражданку». Развилки и повороты проходят грамотно. Но не «профи» высокого полета – имей он автомат, положил бы всех троих одной очередью и ушел бы целым и невредимым. Нет, уносить ноги сейчас не самое актуальное.

Пришлось даже «выдать» свое присутствие, когда он почувствовал падение энтузиазма в рядах врага. Кто-то из троицы предположил, что незнакомец давным-давно слинял и они напрасно теряют время. Другой глухо поддержал:

– Сейчас он заново вызовет тех же ментов. Устроит нам веселую жизнь со второй попытки.

– Тихо, – оборвал старший. – Я его слышу, гада.

Все трое замерли. Но Терпухин решил не перекармливать их подарками.

– Померещилось, – шепотом предположил скептик.

– А я говорю, он здесь, в подъезде, – так же шепотом ответил старший. – И никуда уже не денется, мы его слишком высоко загнали.

Все-таки троице пришлось слегка рассредоточиться. Один остался на лестнице, чтобы надежно ее перекрыть. Другой притормозил на пороге очередной квартиры – в этом подъезде все перегородки были уже закончены. Третий двинулся дальше, в конец просторного холла, к дверному проему. Проем вел в следующее жилое помещение.

Не пересекая границы, вооруженный человек присмотрелся к площади комнаты, доступной обзору. Все как обычно: кладка стен с неаккуратно заделанными швами, засохшие брызги раствора, шершавая поверхность нижних плит перекрытия.

Он положил палец на спусковой крючок и, сделав над собой усилие, резко толкнулся вперед. Сразу развернул дуло в сторону «мертвой» зоны, но этот угол оказался пустым...

Тот, кто остался на лестнице, выбрал самую надежную позицию – встал на площадке, прислонился к стене широкой спиной, обтянутой джинсовой рубашкой. Подмывало окликнуть напарников, поднявшихся выше этажом. Но, устроив переключку, все трое засветили бы свое местонахождение. Поэтому он молча продолжал наблюдать за лестничными маршами по обе стороны от пустой шахты, где еще не начали монтировать лифт.

Вдруг рядом на пол упал кирпич. Конечно, он не мог самостоятельно вывалиться из стенки. Человек в джинсовой рубашке невольно посторонился и поднял взгляд вверх. Он уже понял, что кирпич призван отвлечь внимание. Но мышцы имели большую инерцию, чем бесплотная мысль.

В следующий миг он уже развернулся к выходу из коридора. Но только для того, чтобы получить удар в лицо, а не в затылок. Терпухин бил ногой, кисти рук все еще болели от ударной силы пули, передавшейся чугунному блину.

Противник рухнул раньше, чем успел разглядеть Юрия в лицо. Атаман подхватил на лету выпавший обрез, и тут полоснула милицейская сирена. Видимо, кто-то, кроме сторожа, слышал выстрелы – прохожий по ту сторону забора или проезжий водитель, зачем-то сбросивший скорость. Проявил гражданскую ответственность, сообщил куда следует. И вот теперь менты вторично прибыли по прежнему адресу, чтобы в один момент все поломать.

Глава восьмая

За три года до нападения на табор далеко от казачьих степей, в стольном граде Москве, произошло незначительное на первый взгляд событие. Хозяин однокомнатной квартиры в доме номер шестнадцать на Большой Ордынке решил поклеить новые обои.

Вообще-то он был человеком неприхотливым, как большинство системных программистов. Экран компьютера, круг света лампы на столе. В круге – оптическая «мышь», клавиатура, чашка кофе и дымящаяся сигарета на краешке пепельницы. Все остальное не удостаивалось пристального внимания: протекающий бачок унитаза, двухмесячной давности пакет с молоком в глубине холодильника, окаменевшая земля в горшках с комнатными растениями.

Впрочем, Кириллова нельзя было назвать человеком равнодушным к красоте и комфорту. Сигареты он покупал себе самые лучшие, кофе – тоже. Чашка была знаменитого кузнецовского фарфора, пепельница – хрустальной. Они тщательно отмывались в конце каждого дня.

После развода с женой Кириллов вернулся к матери. Потом мать умерла, Олег остался в квартире один. Трудился он по свободному графику. Начальство разрешало вообще не выходить на работу, сидеть за компьютером дома. До сих пор он этим не слишком злоупотреблял.

Почему он решил вдруг обновить обои? Просто часть стены попадала в круг света от лампы. С какого-то момента выцветший рисунок стал угнетать его. Клеить одну полосу на нужном месте? Нет, Кириллов вовсе не был ленивым человеком, он готов был пожертвовать целым днем.

Посчитал нужное количество трубок, купил в ближайшем магазине вместе с обойным клеем. Отодвинул мебель от стен, оставив место для раскатки рулонов. Стал обдирать старые обои. Отходили они вместе с газетными листами – когда-то их клеили первым слоем для надежности.

Кириллов тоже решил сделать все основательно и начать с газет, оклеить ими все стены сверху донизу. Старых газет он не нашел, зато отыскал на шкафу номера «Огонька». Мать любила читать, выписывала периодику. Только в последний год, тяжело заболев, она потеряла к ней всякий интерес. Олег аккуратно забирал журналы из почтового ящика, но мать уже к ним не прикасалась.

Кириллов стал разрывать «Огоньки» на отдельные листы. Работа продвигалась быстро – ничего не нужно было выверять, как при поклейке обоев, просто мазать кистью лист и шлепать на стену. По ходу дела он успевал машинально прочесть несколько строчек, жирные заголовки и фотографии сами лезли в глаза.

Репрессированные поэты, подлинные обстоятельства процесса над Берией, полемика на Съезде народных депутатов, интервью с главой литовского «Саюдиса», выборы директоров производственными коллективами... Неужели когда-то это было интересно, актуально? Теперь заплесневелая древность, как войны римлян с варварами.

Кириллов не любил засорять мозги ненужными ошметками информации. Он стал клеить листы вверх ногами и думать о своем, о программе, которую должен был закончить к концу недели. Очередной номер был полностью израсходован, Кириллов раскрыл следующий, приготовился раздирать на листы и вдруг увидел самого себя в старинном офицерском мундире с аксельбантами и погонами.

Что за черт? Нет, конечно, это не он, а какой-то Крайнев в 1910 году после присвоения звания полковника и назначения командиром Первого Сибирского полка. Удивительная схожесть, особенно если прикрыть рукояткой малярной кисти старомодные, закрученные кверху усы.

Направившись с журналом в ванную, Кириллов взглянул на себя в зеркало, не будучи уверен, что досконально помнит детали собственного лица. Оно никогда его особенно не интересовало. Лицо как лицо. Поутру приходится мочить под краном пальцы и протирать слипающиеся глаза, время от времени сбрасывать щетину. Остальное не суть важно.

Давно уже Кириллов не вглядывался в себя так внимательно. Вид неважнецкий: кожа землистого цвета, темные круги под глазами, мятые щеки, недовольная линия рта. Общее выражение кислотоватое. Человек на фотографии совсем другой – молодцевато расправил плечи, задрал подбородок. Те же черты, только одушевленные волей. Такое лицо хоть на медали выбивай. Сколько ему здесь лет?

«...Родился в Санкт-Петербурге в 1869 году... Учился в Александровском кадетском корпусе. По окончании курса получил звание унтер-офицера и поступил в Первое Павловское военное училище. Окончил лучшим в выпуске со званием фельдфебеля... В том же году в звании хорунжего прикомандирован к Лейб-гвардии Атаманскому полку. Поступает в Академию Генштаба, но вскоре бросает ее, возвращаясь в полк...»

Да он вдобавок старше – на снимке ему все сорок. Еще бы, ему не приходилось торчать за компьютером изо дня в день с пачкой сигарет и неизменным кофе. Маневры, учения, полковая жизнь. Были наверняка и пьянки, и девицы, но в целом здоровый армейский быт – свежий воздух, активное движение, правильный и неизменный распорядок дня.

Кириллов с отвращением вспомнил, как поздно он лег, как поздно встал с кровати. Ощутил на теле линялую, давно не стиранную майку с изображением утенка из американского мультика.

Хватит заниматься самоедством. Вернувшись в комнату, он наклеил журнальный лист с фотографией на свободное место. Через полчаса подготовительный слой был готов, Олег мог сесть за компьютер в ожидании, когда листы на стене просохнут.

Работа не ладилась. Кириллов вышел на балкон, но не почувствовал удовольствия от прямого контакта с лучами заходящего солнца. Отвращение к своей бледной руке, опершейся на перила, распространилось на все остальное – на уличный поток машин, мутную дымку в воздухе. На людей, выходящих с покупками из магазина.

«Как будто я не понимаю, что неплохо было бы оторваться от этого чертова «компа»! Ну и куда я денусь, выйдя на улицу? – размышлял Олег. – Тусоваться в муравейнике вместе с миллионами других мурашей? Развлекаться в ночном клубе, в одном из этих гадюшников?»

...Последний раз Кириллов отправился в такой клуб зимой с конкретным намерением сменить обстановку, сбросить отрицательный заряд в непривычном для себя энергетическом поле, снять женщину для секса и наутро обо всем забыть.

Но с самого начала он видел все глазами постороннего. Даже после бутылки «Мартини» не мог заразиться всеобщим весельем. За мишурой световых эффектов, модного ритма и стильного антуража зала различал принципы работы нехитрой программы, управляющей обслугой и посетителями.

Взять официантку. Основная программа ведет ее по маршруту от служебного коридора к четырем столикам. Есть еще «подпрограмма по прерыванию» – по вызову клиента. Управление голосом, руками и ногами. Микрокалькулятор в башке для пересчета денег.

А эта брюнетка, легко расставшаяся с подругой и пересевшая за его столик? Она не проститутка, не возьмет с него денег. Пришла сюда развлечься, как и он. Как и он, готова продолжить на квартире, в постели. Но до чего же убогая программка «прошита» внутри. Одинаковые смешки, одинаковый жест, которым она подносит ко рту сигарету, держа ее между указательным и средним пальцами и далеко отставив большой.

– Пошли потанцуем?

Обнимая ее под томительные звуки «медля-ка», Кириллов чувствовал себя полным идиотом. К чему переступать с ноги на ногу, нелепо облапившись? К чему эта прелюдия к сексу

между двумя незнакомыми людьми? И все-таки прелюдия нужна. Не только брюнетке, но и ему самому. Программа...

– Нравится тебе здесь?

– Ничего. Серединка на половинку.

– Ты на машине?

– Нет. Я не создан водить машину.

– А для чего ты создан? – программа ветвилась в зависимости от его ответов.

– Чтобы жить спокойно, не грузиться лишними заботами.

Иногда люди вокруг вели себя неожиданно. Но это выглядело не признаком свободы, а всего лишь сбоем программы и вызвало еще большее раздражение. Вот официантка жует, доставляя к столику заказанное шампанское. Вот какой-то парень почувствовал себя плохо и товарищ выводит его на свежий воздух. Чертов сброд, не в состоянии даже правильно отработать простой цикл.

В постели Кириллов не захотел потеть и заставил работать брюнетку. Ее монотонные движения никак не прекращались, словно программа зацклилась, из нее уже не выйти даже по нажатию «Ctrl-Alt-Delete». Только через «Reset»...

Невеселые воспоминания. Вернувшись с балкона, Кириллов снова засел за работу. Стемнело, он включил лампу. Поставил завариваться кофе в дорогой кофеварке, распечатал новую пачку сигарет. Бегло, не глядя, шлепал по клавишам. Щелкнул зажигалкой, прикурил, но в дыме не было привычного благородного аромата. Неужели туфта, подделка под фирму? Да нет, все признаки аутентичности налицо.

С кофе вышла та же самая история – ни вкуса, ни запаха. Но банка-то прежняя, от этого кофе он ловил кайф еще сегодня в полдень. Значит, дело не в товаре, а в нем самом. Он действительно засиделся за компьютером.

Смена обоев была отличной идеей. И не надо сегодня заниматься ничем другим – полностью посвятить день благоустройству квартиры.

Включив люстру под потолком, Кириллов убедился, что тонкие журнальные листы успели высохнуть. Обои он поклеил тщательно, не спеша, дотошно совмещая мельчайшие детали рисунка. Потом расставил мебель по местам и бросил взгляд на плоды своего труда. Комната совершенно преобразилась, в такой приятно находиться, работать.

Но только не теперь, на сегодня с работой покончено. Он лег, но заснуть не мог, действие кофе еще не прекратилось. Снова вспомнился человек в полковничьем мундире. Вроде бы то же самое лицо, но совершенно другое, будто профиль на медали. Может, отпустить усы? На фирме глаза вытаращат. Ну и плевать.

Напрасно не прочел статью – кем был этот Крайнев, чем прославился. Не стоило приклеивать к стене этот лист. Вон сколько осталось неиспользованных журналов. Может быть, еще не поздно бережно отклеить ту полосу?

Встав с постели, Кириллов поднялся на табурет, осторожно ковырнул ногтем верхний край обоев. Нет, черт возьми, прихватилось намертво. Хороший попался клей... Он снова лег в постель, но сожаление продолжало ныть внутри, как ноет иногда зуб в преддверии настоящей боли.

Есть еще целый запасной рулон, на три полосы хватит.

Снова отодвинув шкаф от стены, Кириллов вооружился столовым ножом и попытался аккуратно отогнуть верхний край всей полосы. Потом взялся за него обеими руками и потянул вниз. Ни одна «огоньковская» страница не осталась целой. Сплошные ошметки тут и там – одни куски прочнее пристали к изнанке обоев, другие – к стене.

Кириллову захотелось разодрать в клочья отклеенную измявшуюся полосу. Он успокоил себя возможностью ошибки. Вдруг нужный журнальный лист был приклеен не здесь, а рядом,

под соседней полосой. С ней он поступит гораздо предусмотрительней. Сперва намочит, а уж потом возьмется отклеивать.

Скоро в комнате выросла целая гора мокрых обоев – стены снова были голыми. Кириллов мрачно курил и думал о том, куда будет выбрасывать весь этот бумажный мусор.

Глава девятая

На самом деле Кириллов напрасно порол горячку. Проблема легко разрешалась через Интернет – огромное хранилище полезной и бесполезной информации о святом и грешном, плодах последних достижений науки и непроходимой человеческой дремучести.

Кириллов выходил в Интернет только по крайней необходимости, когда нужно было срочно переслать промежуточные результаты работы на электронный адрес фирмы. Его никогда не прельщало бродить в Сети, залезать на форумы или в чаты. Ему хватало работы за компьютером, дольше необходимого он не хотел просиживать у экрана в отличие от большинства его коллег.

Именно поэтому простая и очевидная идея насчет Интернета пришла в голову только утром. Приоткрыв глаза, он вздрогнул, не сразу вспомнив, откуда в комнате взялось столько мусора. Но уже через секунду вспомнил вчерашнее и нашел решение проблемы.

В Интернете отыскиались еще две фотографии. К одной была приписка: «Полковник Крайнев, атаман Всевеликого войска Донского в мундире лейб- гвардии Атаманского полка, 1918 год», к другой, строго в профиль: «Генерал Крайнев. Лефортовская тюрьма, 1946 год. Из архива НКВД».

Так значит, полковник дослужился до высоких чинов. И на старости лет удостоился не дома для престарелых в европейском захолустье, а камеры для врагов. Значит, не изменил своим убеждениям, продолжал борьбу.

Кириллов внимательно всмотрелся в изображение на экране. Его собственный портрет после семидесяти? Нет, он сгниет гораздо раньше, лет через десять будет напоминать овощ, вытасченный из банки с рассолом и забытый на тарелке.

Откуда такая внешняя схожесть черт при абсолютной противоположности характеров? Схожесть, необычная даже для кровных родственников.

Никак не мог московский программист тридцати двух лет быть прямым потомком казацкого генерала. Деда с отцовской стороны Кириллов застал в живых, деда с материнской видел на многих фотографиях. Или здесь дальнее родство, пятая вода на киселе, неожиданно оказавшаяся насыщенным раствором?

Нужно узнать побольше о жизни этого человека. Кириллов собрался снова влезть в Интернет, но неожиданно его передернуло от вопиющего несоответствия между целью и средством ее поиска. Мировая Паутина напичкана компроматом на всех и вся, детской порнухой, графоманскими романами и рекламой. Искать в этой вонючей клоаке сведения о благородном воине – значит оскорблять его память.

Нужно выбрать другой способ, трудный и хлопотный. Начать с подшивок старых газет, советских и эмигрантских, переведенных из спецхранов в общедоступное пользование.

Наведя порядок в комнате, Кириллов вышел на улицу. Мельтешение толпы больше не раздражало, он просто не замечал людей. Перед глазами стояло собственное лицо, украшенное остроконечными усами. Ниже, прямо под подбородком, верхняя пуговица застегнутого воротничка, справа и слева от нее – погоны. Даже роба зэка, различимая на позднем снимке в профиль, смотрелась на этом человеке как мундир.

В огромном читальном зале Кириллов взялся просматривать подшивку «Правды» – пожелтевшие листы с непривычным шрифтом заголовков и фотографиями отвратительного по современным меркам качества. За сорок шестой год он не нашел упоминания о Крайневе. Зато начало сорок седьмого заставило затаить дыхание, будто он, как в колодец, провалился в морозный и темный двор Лефортовской тюрьмы.

В номере за семнадцатое января были такие строчки:

«Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Крайнева П.А., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А. Г., командира «дикой дивизии» генерал-майора белой армии князя Султан-Гирея Клыча, генерал-майоров белой армии Краснова С. Н. и Доманова Т. И., а также генерал-лейтенанта германской армии эсэсовца фон Паннвица в том, что по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили против него шпионско- диверсионную и террористическую работу...»

Все перечисленные лица с учетом тяжести совершенных преступлений и в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года были приговорены к повешению. Приговор приведен в исполнение...

* * *

Выходит, этот человек – предатель? С таким взглядом, с такой осанкой? Но против фактов не попрешь.

Кириллов позвонил на фирму. Заболел, самочувствие отвратительное, в ближайшие дни не появится и по e-mail-у ничего не прийдет. Так плохо, что даже дома работать не в состоянии? Да, сильно простыл, температура. Про себя послал начальника отдела подальше и вдруг ощутил неведомое раньше чувство унижения.

Сперва соврал вышестоящему, потом его же мысленно выматерил. Крайнев так бы себя не повел. Наверняка он стоял по-офицерски прямо, даже с петлей на шее в тюремном дворе.

А ему, Кириллову, чего бояться? Почему бы честно не сказать, что дела сугубо личные, не до работы в ближайшие дни. Выскажут недовольство? Да ради бога! Пусть хоть уволят. Звезд он с неба не хватает, но опыт кой-какой имеется. В два счета найдет новое место.

Привычка микшировать, смягчать, не лезть на рожон. Разумные по сути правила, только они превращают мужчину в бесхребетное существо неизвестного пола. И с женой он хотел как лучше. Долго и нудно выяснял отношения. Хотел доказать со всей очевидностью, что она не права. Кому доказать, женщине? Задать ей добрую трепку, мигом пришла бы в норму! Сейчас возилась бы на кухне, стараясь ублажить обедом.

Олег стал целенаправленно собирать информацию. Этого добра в огромном мегаполисе хватало. В Москве информация была воздухом, которым дышали горожане, она расстилалась под ногами, имитируя асфальтовое покрытие, лилась с небес, подражая дождевым струям. Информация необходимая и бесполезная, похожая на правду и демонстративно фантастическая.

Вскоре Кириллов окончательно убедился: человек, похожий на него как две капли воды, не мог быть связан с их фамилией даже отдаленными узами родства. Петр Алексеевич Крайнев родился в Санкт-Петербурге в семье генерал-лейтенанта Генерального штаба Алексея Николаевича Крайнева, происходившего из казаков донской станицы Каргиновской. Супруга его была потомственной дворянкой и коренной петербурженкой, дочерью статского советника Вельяминова...

Его, Кириллова, предки ни малейшего отношения ни к Петербургу, ни к Дону не имели, не состояли ни в казачестве, ни в потомственном дворянстве. А вдруг они скрывали свои дворянские корни из страха загреметь в ссылку в сталинские времена? Всех таких хитрецов рано или поздно закладывали соседи или друзья, и «хитрецы» пропадали без следа и могильного камня.

Олег помнил из детства, как дед рассказывал сказки, помнил простонародный говорок деревенского человека, помимо воли ставшего москвичом, – их село съели новостройки город-

ской окраины. Помнил старые фотографии остальной родни. Деревянные позы, немигающие глаза, некрасивые крупные ладони.

Откуда тогда сходство? Как программист, Кириллов был слишком рациональным человеком, чтобы верить в чудеса или в простые совпадения.

Он увеличил пару старых снимков Крайнева – те, что особенно понравились. Купил рамки нужного размера, и на голой, без обоев, стене появились два настоящих портрета. На одном из них генерал сидел в черкеске и папахе на белом скакуне с нагайкой в руках. На другом стоял на высоком крыльце под атаманским стягом, отдавал честь, принимая парад казачьих частей.

Часто задерживая взгляд на снимках, Кириллов изучил их настолько досконально, что мог в любой момент вызвать в памяти. Покойный генерал проступал во всей красе на клеенке кухонного стола, на стекле, испещренном дождевыми каплями, на обратной стороне прикрытых век.

В жизни, как в сложной программе, каждая мелочь имеет смысл. Безграмотному дураку текст программы кажется абракадаброй, случайным набором из буквочек, циферок и знаков препинания. Человеку посвященному в премудрость виден строгий закон в этом хаосе. В жизни то же самое.

Для начала нужно обратить внимание на схожие явления. Одно время на телевидении большим успехом пользовались двойники известных людей. Может, и сейчас эта мода не угасла?

В Останкино Кириллов пробился к задерганному небритому коротышке, который уже много лет «вел тему» двойников на одном из главных общегосударственных каналов.

– Я вас, извините, не узнаю, – раздраженно бросил телевизионщик.

– Мы действительно незнакомы.

– В смысле образа не узнаю.

– Я похож на генерала Крайнева. Слышали о таком? – в подтверждение своих слов Кириллов собрался достать из пакета портрет в рамке.

У коротышки хватило опыта, чтобы распознать намерение незнакомца.

– Не трудитесь, я вам верю. Беда в том, что у вашего Крайнева нет имиджа.

– Так вы слышали о нем или нет?

– Слышал. Колоритная, в принципе, личность. Но если выбрать наугад тысячу наших зрителей, сколько из них знают, как он выглядел? Полчеловека или того меньше. А для нас даже пятьсот мало. Нужен образ, известный всем от мала до велика, от академика до бомжа. Ленин – царь Николай, Сталин – Гитлер, Горбачев – Ельцин, Алла Пугачева – Максим Галкин.

– Да я, в общем, не жажду засветиться на экране. У меня интерес чисто личный. Может, посидим вечером, пообщаемся? – Олег назвал один из дорогих московских ресторанов.

Прежний Кириллов не решился бы на такой простой и откровенный ход. Стал бы грузить себя по поводу заработков на телевидении. У этих типов денег куры не клюют. Смешно соблазнять их ужином за чужой счет, они и так могут себе позволить есть и пить в кабаках хоть каждый день.

Но коротышка неожиданно кивнул.

– Заезжайте за мной часам к десяти, раньше я все равно не освобожусь.

Глава десятая

В ресторане телевизионщик Макс был как у себя дома, кивал направо и налево. В меню даже не заглянул: и так знал, что здесь заказывать. Уточнил некоторые детали приготовления блюд, официант пообещал все передать повару.

– Придется подождать, – объяснил спутник Кириллова. – Мне они не будут разогревать в микроволновке то, что приготовили два часа назад. Для меня нужно готовить здесь и сейчас. Надеюсь, ты не слишком спешишь?

– Со временем проблем нет.

– Я знаю, с чем у тебя проблемы. С твоим лицом. Ты первый, кто поступил воистину мудро. Я, пожалуй, единственный человек, способный дать грамотную консультацию. Правда, некоторые дяди и тети в белых халатах тоже на это претендуют. Даже величают себя психоаналитиками. Единственное, что они умеют, – по заказу объявлять здоровых людей сдвинутыми. В прежние времена власти прятали в дурдоме всяких там инакомыслящих, теперь через психушку можно отмазаться от приличного срока.

Официант принес бутылку «Remi-Martine», разлил по рюмкам, и Макс сразу же придирчиво понюхал свою. Кириллов заранее знал, что на угощение придется потратиться. Для одинокого мужчины он прилично зарабатывал, поэтому сейчас не комплексовал, не прикидывал в уме итоговый счет.

– Казалось бы, ничего особенного, – продолжал телевизионщик. – Ну, похож в определенном ракурсе один человек на другого, притом на известную личность. Похож себе и похож. Но на самом деле это проблема. У тебя еще не самый тяжкий случай. А представь себе девицу из ПТУ, похожую на кинодиву. То есть она, конечно, не похожа: у дивы огонь в глазах, а у этой хронически отвисшая челюсть. Но что-то формально общее есть.

Кириллов вспомнил, как сам сравнивал себя с генералом. Способностью к трезвому взгляду Бог его точно не обделил.

– Формально общее, – повторил телевизионщик, выпитив нижнюю, влажную от коньяка губу. – Хотя подруги говорят, что просто вылитая. И как прикажешь после этого мириться с обычной, ничем не примечательной жизнью?

Плавное течение Максовых рассуждений прервалось с появлением на столе холодной закуски. Пока официант расставлял большие и малые тарелки, коротышка вспомнил юность:

– Когда мы были голодными студентами, у меня у одного был приличный костюм-тройка. Главный, между прочим, капитал. Средство быть пропущенным через контроль. Тогда это не называлось фейс-контроль. «Фейсы» у всех были более или менее советские, встречали по одежке. Мой размер никому другому не годился. Поэтому пять сокурсников из общаги скидывались по рублю и отправляли меня в гостиницу со «шведским столом». Там я наедался до отвала и приносил товарищам в полиэтиленовых пакетах всяких салатов и мясных закусок. По части воровства еды у меня была отработанная технология.

«И не стыдно ведь признаваться», – подумал Кириллов. Теперь он всякий раз сверял слова и поступки людей с гордой осанкой генерала. Представлял себе выражение лица Крайнева, если б тот невольно оказался свидетелем.

– Что тебя беспокоит больше всего? – после поощрительного жеста вилок в сторону Олега коротышка активно приступил к трапезе.

– Много через вас прошло народу?

– Двойников? Ты имеешь в виду тех, кто действительно был похож, или тех, кто себя всеми силами переиначивал?

– Второй случай меня мало интересует.

– Настоящих двойников десятка два. Но не всех я мог выпустить на экран даже в записи.

– Почему?

– Неадекватное поведение. Полная неуправляемость. Какие у тебя сигареты? Ага, тоже любишь себя побаловать? Угостишь?

В голосе коротышки появилась новая интонация, которой раньше не было. Вытянув сигарету из пачки, собеседник наклонился чуть вперед в ожидании зажигалки.

– И фэйер у тебя роскошный.

Прикуривая от ровного огонька пламени, Макс прикрыл его ладонью, как будто оба сидели на ветру. Пальцы как бы невзначай коснулись руки Кириллова. «Голубой», – с отвращением подумал программист. Отвращение было тем сильнее, что гомосексуальность до сих пор никак не проявлялась в повадках коротышки.

Первым побуждением было встать и выйти под любым предлогом, чтобы больше не возвращаться за столик. Пускай сам рассчитывается за угощение, бабок у такого хватит. Нет, сперва нужно сделать дело.

Эти извращенцы обычно умны, наблюдательны, соединяют в себе женскую впечатлительность и мужской аналитический ум. С таким в самом деле стоит пообщаться, если консультация для тебя очень важна. Преодолеть брезгливость и вытерпеть хотя бы час-другой за одним столом.

– Как вообще возможно сходство разных людей с разными генами? Ты читал их биографии или анкеты? Замечал хоть какую-то закономерность?

– Я, дружок, не антрополог, я всего лишь устроитель шоу. Некоторые в нашем цеху называют его «шоу уродов», но это грубо и несправедливо. Шоу несчастных людей, подсевших на свое сходство, как наркоман на иглу.

– Решили сделать профессией, образом жизни? – Кириллов потер лоб и ответил сам себе: – Трудно представить, как бизнесмен бросает из-за этого свой бизнес, музыкант – музыку, спортсмен – спорт.

– Среди таких почему-то не бывает двойников, – улыбнулся коротышка, продолжая жевать. – Мой обычный контингент: домохозяйки, пенсионеры, младшие бухгалтера грошовых контор, слесари ЖЭКов. Они не больно держатся за место, за профессию. А ты чем занимаешься, если не секрет?

Кириллов не считал нужным много о себе рассказывать и ответил коротко:

– Программист.

– Твое здоровье, – наполнив коньяком обе рюмки, коротышка протянул свою, чтобы чокнуться.

Соприкосновение рюмок показалось Олегу почти телесным контактом – ведь и он, и Макс пили из них. Официант принес второе, Кириллов не запомнил, как называется блюдо. Экзотический сорт мяса, экзотическим образом приготовленный с гарниром из тропических овощей и фруктов. Внимание телевизионщика переключилось, и Олег осторожно поставил рюмку на стол, не отпив из нее ни капли.

– Где папайя? Ага, вот. А я уже собирался вернуть сие произведение обратно... Программист на сегодняшний день профессия, что немаловажно, – коротышка вернулся к теме. – Потому и не заехали шариком за ролики. Ну и, конечно, с прототипом тебе повезло. Ручаюсь, тебе ни разу не давили на мозги, не говорили о сходстве.

– Ты сказал «подсели на иглу». Как это бывает с двойниками?

– Очень просто: они теряют свое «я». Представь себе, что ты смотришь в зеркало, а видишь не собственное лицо и даже не чужое. Ты видишь маску, но не хочешь ее сорвать. Тебя заботит, насколько она хороша. Прическа, выражение лица, мимика, тембр голоса, ходячие словечки прототипа, вроде ельцинского «понимаешь» или горбачевского «процесс пошел». Не ты вживаешься в образ – образ вживается в тебя, выдает твоё «я» изнутри, особенно легко и быстро, если не так уж много чего кушать... Ты не выпил?

– Спиртное перебивает вкус, – объяснил Кириллов. – Для кого-то мухи отдельно, котлеты отдельно. А для меня отдельно выпивка, отдельно еда.

– Ты мне нравишься, ты во всем знаешь толк. Наплюй на свое сходство, забудь. Дурацкий фокус природы и больше ничего. Смысл нулевой, уверяю тебя. В жизни на нас и так давит столько всего извне, не стоит добавлять нового... Ты завезешь меня домой?

– Куда?

– На Басманную. Если будет желание – зайдешь, помотришь, как я живу.

Кириллов внутренне напрягся. Нет, желания у него точно не возникнет.

Через полчаса они вышли на улицу, сели в Олегову «девятку». Кириллов не хотел выглядеть невежливым, он высадит коротышку на Басманной и поедет к себе. На перекрестке на красном свете светофора Макс рассказал анекдот и со смехом похлопал спутника по колену. Тот сжал кулак и, не оборачиваясь, ударил пассажира по лицу.

Олег не ждал от себя такой реакции, не ждал, что удар окажется таким сильным. Что-то хрустнуло. Снаружи зажглось желтое око, потом вытаращилось зеленое. Обеими руками взявшись за руль, он тронулся с места. Старался не смотреть в сторону глухо стонущего коротышки, но не мог не видеть своей правой руки на ободу руля. Костяшки ныли от боли, тыльная поверхность ладони была испачкана чем-то липким и почти бесцветным.

Дважды подряд он свернул направо, въехал в тупик между двумя зданиями. Хотел протянуть руку и открыть правую дверцу изнутри. Коротышка покачивался взад-вперед – то запрокидывал голову, то клевал разбитым носом. На лице были заметны те же самые липкие и почти бесцветные следы.

Нет уж, лучше выйти и обогнуть машину спереди. Олег открыл дверь снаружи. Коротышку не пришлось даже вытаскивать из салона, он вывалился сам. Через минуту уже сидел на асфальте в одиночестве, вытирал платком лицо, стараясь не задеть сломанного носа.

* * *

За время трапезы Макс успел рассказать о московской тусовке двойников. Неизбалованные доходами, те не могли позволить себе встречаться в дорогом заведении. Собирались по субботам в школьном кабинете географии с разрешения пожилого сторожа, считавшего себя двойником киноартиста Баталова.

Кириллов решил сходить туда один раз. Он не собирался вливаться в эту компанию, считать их товарищами по счастью или несчастью. Всего лишь взглянуть со стороны, оценить трезвым взглядом. Сделать выводы, а потом оценить, насколько они применимы к нему самому.

Мужчины и женщины заходили в школу поодиночке. Как-то бочком, через неосвещенный черный вход. Кто-то с поднятым воротником, кто-то в темных очках, невзирая на поздний час, кто-то в шапочке с большим, надвинутым на глаза козырьком.

Обычно они стремились выставить себя напоказ, завоевать признание в качестве двойника. Но сейчас никто не хотел привлекать внимание. Чего ради? Чтобы подростки из соседнего двора тыкали в них пальцем и гоготали?

– А вы, извините, куда? – спросил человек, одетый в свитер, несмотря на теплую погоду.

Тот самый сторож. Если бы Кириллов ничего заранее не слышал, ему бы в голову не пришло сравнение с Баталовым. Но при желании можно было отыскать нечто общее.

Вместо ответа Олег извлек из пакета портрет генерала в рамке. Сторож внимательно взглянул в лицо незнакомцу, перевел взгляд на фотографию. Кивнул уважительно, оценив меру сходства. Хотя явно не понял, кто именно изображен на снимке.

– Вы у нас первый раз?

– Так точно.

Кириллов никогда не пользовался военными оборотами речи. Слова выговорились сами собой, но «Баталов» воспринял их как должное и еще раз удовлетворенно кивнул.

– Вам нужно для начала записаться. У нас официально зарегистрированный профсоюз.

– С членскими взносами?

– Не без этого. Насчет привилегий вы еще узнаете. Главное, профсоюз защищает наши права. Есть опытный адвокат. Уже выиграл три дела о невыплаченном вознаграждении и одно о защите чести и достоинства.

– Чьих?

– Иск был по поводу... Здравствуйте, Гоша.

Большинству входящих сторож с улыбкой кивал, но с этим – в джинсах и белой рубашке – поздоровался за руку. Все-таки коллеги-«актеры». Человек с бритой головой, тонкими губами и трехдневной щетиной считал себя очень похожим на Гошу Куценко – главного героя «Антикиллера».

– Иск был по поводу двух лиц. В заметке оскорбили как самого Пушкина, так и нашего товарища, – продолжил сторож.

– Давайте так. Взнос я оплачу сегодня, а зарегистрируюсь в следующий раз, – Кириллову не хотелось сообщать о себе никаких данных.

– Воля ваша. Взнос как минимум за квартал: четыреста пятьдесят рублей. Я еще не сказал про банк данных. К нам в профсоюз поступают самые разные запросы. Когда вы в компьютере, у вас гораздо больше шансов быть востребованным.

– Конечно. Куда мне идти?

– Третий этаж налево. Там сразу увидите единственную открытую дверь. Если нужно привести себя в порядок, дальше на этаже туалет для преподавательского состава. Человек вы, я уверен, аккуратный... И еще одно: у нас обычно не приходят с пустыми руками. Каждый приносит что-нибудь к столу. Были предложения увеличить профсоюзные взносы и возложить угощение на конкретных товарищей. Но предложение не прошло, экономней и вкуснее нести из дому.

– На первый раз простите.

– Без вопросов. Но на будущее имейте в виду.

В кабинете географии Кириллов появился одним из последних. Здесь уже разливали чай, сдвинув часть парт в одну линию. Несмотря на развешанные карты, черную доску и казенную покраску стен, помещение выглядело почти домашним из-за запаха свежее выпеченных пирогов.

Никто здесь не приставал к Кириллову с вопросами. Раз «Баталов» пропустил, значит, все в порядке. Люди общались активно, как старые знакомые. Двойника Ельцина называли Борисом Николаевичем, двойника Буденного – Семеном Михайловичем.

Кириллов отметил про себя, что одежда у всех соответствовала образу. Последние детали, судя по всему, уточнялись уже здесь на месте – в туалете для преподавателей.

На гимнастерке у «Буденного» красовались советские значки в форме пятиконечных звезд, отдаленно напоминающие ордена Гражданской войны. На шее у «Пушкина» был повязан бант из черного шелка. «Алла Борисовна» водрузила на голову шляпу, в которой вряд ли рискнула бы ехать в общественном транспорте. Брови у «Леонида Ильича» были прилеплены совсем недавно и плохо держались, время от времени он подправлял их пальцами.

Делились последними впечатлениями. На дальнем конце стола кто-то рассказывал о презентации, где ему нужно было произнести шуточное приветствие гостям. Набеленная, похожая на покойницу дама с фиолетовыми веками и подведенными сверх всякой меры глазами уверяла, что старушка в магазине обратилась к ней как к Грете Гарбо. Поцеловала руку и сделала комплимент, что выглядит она прекрасно. Спросила, приехала ли она в Москву сниматься или просто на осмотр достопримечательностей.

«Грета Гарбо» говорила с сильным акцентом, но время от времени забывалась, переходя на обычный московский говорок. Зато «Петр Первый» не упускал случая вставить в свою речь «паки», «токмо» или «зело». Он ездил подработать в Питер, привез кучу снимков, где был заснят с туристами на Дворцовой площади. С удовольствием сообщил, насколько дороже было сняться у фотографа с «императором», чем просто так. Люди снимали и на свои «мыльницы», тогда все деньги шли ему.

Следование «образу» не переходило разумных границ. «Ельцин» с «Горбачевым» не думали ссориться. «Гитлер» не пытался проповедовать человеконенавистнические идеи – пил чай и нахваливал пирог с яблоками. В отличие от «брежневских» бровей его косая челка была подлинной.

«В самом деле шоу уродов, – думал про себя Олег. – Зачем я здесь? Что у меня общего с этими больными на голову людьми?»

Тем временем толстенькую «Аллу Борисовну» уговорили спеть. Встав у доски, она надула губки бантиком и прижала друг к другу коленки. Включили караоке, и «дива» запела, безбожно фальшивя.

«И ведь все сейчас будут аплодировать. Понятно, почему этим уродам так нравится встречаться. Ведь только они сами и принимают друг друга всерьез, остальные смотрят на них как на шутов гороховых».

– Сообразим насчет гадости? – вдруг просипел ему кто-то на ухо – Хоть за рубли, да за свои.

«Высоцкий, – понял Олег. – Будет говорить одними цитатами».

– А то здесь поют такими злыми голосами, – «Володя» быстро подтвердил предположение.

«Пора убраться, – решил Олег. – Еще перекинется эта зараза общего помешательства».

– Как к вам, извините, обращаться? – спросила через стол молоденькая «Бритни Спирс» с тяжелым подбородком.

– Петр Алексеевич.

Кириллов не хотел называть реальное свое имя, собирался назвать любое, первым пришедшее на ум. Но первыми на ум пришли имя и отчество генерала Крайнева.

Глава одиннадцатая

Кириллов так и не стал ни с кем завязывать контакта, делиться своими проблемами. От встречи с Максом и похода на тусовку тем не менее был свой толк. Он раз и навсегда понял, что не чета тем двойникам. Случай его особый и не подходит ни под какую закономерность.

Ни один из увиденных двойников не отличался таким сходством с прототипом, которое объединяло программиста и казачьего генерала. Здесь только нос, там подбородок, у третьего прищур глаз. Но в общем и целом никто не тянул даже на карикатуру.

Вернувшись домой, Кириллов еще раз встал перед зеркалом в ванной, держа обеими руками на груди портрет человека с твердым взглядом и старомодными, закрученными кверху усами.

Удивительно. Он не сшил себе подобие мундира, не пытается имитировать осанку. Не лезет из кожи вон, как все эти уроды. А сходства неизмеримо больше, чем у них.

Кириллов вернулся к работе, убедив себя не мучиться больше метафизическими вопросами о причинах и следствиях. Он по-прежнему проводил большую часть дня за компьютером, но кое-что в его жизни изменилось. Без особого усилия он приучил себя вставать и ложиться по расписанию. Не понадобился даже будильник – утром глаза открывались минута в минуту, будто пружина выталкивала его из постели.

Раньше по утрам веки не разлеплялись. Он валялся как труп, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Потом кое-как выползал опорожнить мочевой пузырь. В голове клочьями висел туман, во рту ощущался отвратительный привкус. Он взбадривал себя с помощью кофе и хватался за «комп» как за спасительный якорь. Ибо за пределами работы не мог найти другого смысла для нового дня.

Теперь он отправлялся рано утром на пробежку. По возвращении отжимался, делал растяжки для рук и ног. Вставал под контрастный душ, завтракал овсяной кашей, заправляя ее изюмом с черносливом. Никаких сигарет, никакого кофе с утра.

Он вообще бросил курить в квартире, выходил для этого на балкон или на лестничную площадку. Воздух в проветриваемой комнате был настолько чистым, насколько он вообще мог быть таковым в Москве.

Завел себе двух женщин по соседству – одна приходила к нему, к другой он отправлялся сам. С самого начала упорядочил отношения с обеими. Встреча раз в неделю, в определенный день и час. Никакой выпивки, минимум болтовни. Ни возлияний, ни излияний. Здоровый, энергичный секс, не отягощенный ничем другим.

Потихоньку собирал материалы о Крайневе. Заказывал ксерокопии статей или отдельных страниц из толстых томов. Одни называли генерала предателем и пособником врага. Другие говорили о переоценке ценностей: в конце концов, белый террор стал ответом на красный, начатый зверским убийством императорской семьи, расстрелами священников, захватами заложников по принципу социального происхождения.

Раньше Кириллов слабо интересовался историей, теперь она казалась ему более жизненной, чем сама жизнь вокруг. В теперешней суете все было стерто и неопределенно, как во сне. Тогда люди знали, за что бились, и бились насмерть.

«Незаурядный полководец... – писали о Крайневе. – Человек, который честно и до конца боролся за свою идею... Нельзя обвинить его в предательстве – он никогда, ни одной минуты не признавал Советскую власть и боролся с ней всеми силами. Он считал ее царством Хама, растоптавшего подлинную Россию...»

* * *

...Конь щипал прошлогоднюю траву, проглядывающую местами из-под снега. Генерал остановился недалеко от железнодорожной насыпи, где на прошлой неделе партизаны пустили под откос немецкий эшелон. Впереди слева виднелся городок – двускатные крыши и покосившийся крест на костеле. Над парными башенками костела тучей кружилось воронье.

Мимо тянулись казаки со «шмайссерами» наперевес. Возвращались пешком после прочесывания леса – грязные, усталые, мрачные. Партизан не обнаружили. Единственный плюс: не прибавилось ни раненых, ни убитых.

За несколько метров до опущенной к земле морды генеральского коня каждый из них переходил на строевой шаг и отдавал Крайневу честь. Бойцы шли длинной вереницей, и всадник терпеливо продолжал держать правую ладонь у виска, где серебристые коротко подстриженные волосы переходили в серебристый курпей кабардинской папахи.

Последний месяц казаки не воевали в седле. Попробуй повоюй таким макаром против партизан. В лесу всаднику не разогнаться. Зато мишень из него отличная, одно удовольствие целиться!

Казаки постепенно превращались в пехоту, в пластунов, и это всех бесило. Бесило и другое: немецкое командование никак не решалось допустить их на фронт, к настоящим битвам. Коммунисты наступали, положение неуклонно ухудшалось, а казачьи части упрямо продолжали использовать для карательных акций и облав.

Конечно, партизаны тоже сила, способная попортить много крови. Дрались с ними и в Югославии, здорово потрепали титовцев при Сисаке и Баня-Луке. Да и здесь приходилось иногда попотеть. Но казаки жаждали другой войны – рысью в атаку, с шашками наголо. На пулеметы, на колючую проволоку, сквозь минные поля. Лишь бы против регулярных частей – когда сшибка лоб в лоб, когда можно рубить сплеча.

Ведь не к титовцам у казаков счет, не к белорусским «лесным братьям». Главный счет к коммунистам – у каждого свой, личный. К той самой Красной Армии, к тем комиссарам, кто рассказывал Кубань и Дон.

Крайнев понимал настроение своих людей, иначе кто бы выбрал его атаманом в Гражданскую, кто переизбрал бы сейчас? Он думал так же, как они, только знал гораздо больше. Знал, что Гиммлер, как фанатичный расист, не допускает даже мысли о возрождении казачества как полноправного союзника.

Сколько трудов стоило фон Паннвицу и Кес-рингу, Цейтцлеру и фон Клейсту пробить в сентябре сорок второго «добро» на формирование крупных добровольческих частей в казачьих областях. Уже тогда дальновидные люди в германском генштабе понимали, насколько тяжелой и продолжительной будет война с Советами. В такой битве нельзя пренебрегать ни одним штыком, ни одной саблей.

Но политика немцев по-прежнему оставалась половинчатой. Чего они боятся? Перебежчиков на другую линию фронта? Неужели они так плохо знают сталинский режим? Советская власть объявила предателями поголовно всех военнопленных, даже тех, кто попал в плен из-за ранения. Что тогда ждет казаков, воевавших с оружием в руках против «власти рабочих и крестьян»? Братские объятия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.